

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 37

МАКС ПРЕСС
Москва
2009

УДК 81
ББК 81
Я410

Редколлегия выпуска:
доктор филологических наук В.В. КРАСНЫХ
доктор филологических наук А.И. ИЗOTOB
доктор филологических наук В.Г. КУЛЬПИНА

Рецензент:
доктор филологических и доктор педагогических наук,
профессор *Ю.Е. Прохоров*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. колл.:
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс,
2009. – Вып. 37. – 100 с.

ISBN 978-5-317-02897-8

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 – в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 – в 2004 г., выпуски 29, 30, 31 – в 2005 г., выпуски 32, 33 – в 2006 г., выпуски 34, 35 – в 2007 г., выпуск 36 – в 2008 г.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-02897-8

© Авторы статей, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

- Филимонова Е.Н.* Стихия воды и ее символический код в дальневосточной ментальности 4
- Пак Сон Гу (Республика Корея)* Запахи в различных языках и культурах. Попытка сопоставительного анализа (на материале корейских, японских и русских фразеологизмов).....30
- Власенко С.В.* Социолингвистические аспекты перевода: англо-русские переводческие сопоставления *социологем* – фразовых номинативных комплексов, обозначающих социально-экономические институты и социально-статусные реалии 41
- Салахетдинова А.* Этическая составляющая в английском языке делового общения.....55
- Тронева Е.В.* Гнев в английской лингвокультуре.....61

ЛИНГВИСТИКА

- Изотов А.И.* Некоторые особенности естественно-научного и гуманитарно-научного дискурса 72

ЛИНГВОСТИЛИСТИКА

- Изотова А.А.* Эмфатизация высказывания как стилистический приём в романе А.°Конан Дойля «Затерянный мир» 78

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Филиппова М.М.* Английский язык в обучении специалистов по связям с общественностью 84
- Изотова А.А.* О некоторых сложностях использования филологической лексики.....97

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Стихия воды и ее символический код в дальневосточной ментальности

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2009

Цель настоящей статьи заключается в анализе ключевого понятия в культуре двух стран Кореи и Китая – *воды* и описании ее основных символических значений.

Общеизвестно, что *вода* – источник и символ жизни, одна из самых мощных стихий-первозлементов, которая лежит в основе философских систем Древнего Востока. Согласно этим научным представлениям стихия *воды* соотносится с животворящим природным началом и женским началом мира инь. Главными ее образными воплощениями являются естественные и искусственные замкнутые водоемы и их части: *море* (корейск. *хэ; пада*), *река* (корейск. *канъ*), *ручей* (корейск. *ке*), *озеро* (корейск. *хо*), *пруд* (корейск. *мот*) и др.; наименования форм движения жидкости: *волна* (корейск. *мулькёль, пха*), *поток* (корейск. *ню*) и др., а также номинации природных явлений: *дождь* (корейск. *пи*), *роса* (корейск. *исыль*), *иней* (корейск. *сори*), *туман* (корейск. *ангэ*), *облака* (корейск. *гурым*), *снег* (корейск. *нун*), *лед* (корейск. *орым*) и др.

В натурфилософских и даосско-философских представлениях *поток* и *река* олицетворяют вечную динамику и самотранформацию мировых процессов, выступают метафорой космического Дао. Из первичных *вод* растет стебель великого лотоса, мировая ось (см. [Chevalier Jean, Gheerbrant Alain 1994]).

Воду сравнивали с мудростью, в даосизме образ *воды*, находящей путь в обход препятствий – символ триумфа видимой слабости над силой. Лао-цзы призывал быть подобным *воде*. Мягкое и слабое, учит Дао дэ цзин, побеждает твердое, сильное. *Вода* и мягка и слаба, но в плане преодоления твердого и сильного она не знает равных. Ее принцип – уступая побеждать [Энциклопедия символов 1999].

В буддизме она олицетворяет вечное течение материального мира, *неутомимая вода* – символ бурного потока бытия. С другой стороны, прозрачность спокойной *воды* символизирует созерцательное восприятие. *Вода* как *поток* или *море* суть непреодолимая или труднопреодолимая преграда, метафора *пересечение потока* часто используется как символ прохождения через мир иллюзий для обретения просветления и нирваны (см. [Трессидер 2001: 43-44]):

«Все четыреста восемьдесят сутр Будды – это учение о душе. Сам Будда – душа, а Мара – жадность. Если очистить душу – исчезнет жадность. Поэтому одолеть Мара может один Будда. Учение об очищении и избавлении от страданий – это учение о душе и жадности. Душа подобна *воде*, а жадность – огню. Если стать прямо на север, то огонь жадно-

сти погибнет и родится *вода* души. Чтобы собрать все силы души воедино, нужно сотворить заклинания. Успокоить *воды* души и означает очистить душу, погасить в ней огонь жадности, избавить ее от страданий» [«Сон...» 1982: 288].

Наиболее полным художественным воплощением «гор и вод» в разных семантических значениях и трактовках выступают пейзажная лирика («поэзия *гор и вод*») и пейзажная живопись («картины *гор и вод*»). Некоторые «водные» элементы получили в этих видах художественного творчества новые смысловые оттенки. Так, образ *ручья*, петляющего и теряющегося в глубине гор, оказывается визуальным и семантическим синонимом горной тропинки, восхождение по которой знаменует уход человека от суетного мира. Образ *родника*, таящегося где-то в глубинах гор и выдающего свое присутствие только журчанием, символизирует процесс постижения Дао. Замкнутый *водоем* с горами посередине, что наиболее типично для семиотики пейзажного сада, есть прямое воспроизведение островов Пэнлай [Кравцова 2004: 369].

На Дальнем Востоке *вода* была обязательной принадлежностью пейзажного сада, она олицетворяла вечное движение, текучесть. Это символ вечности, нашедший отражение в системе китайского космоса как непрерывный *поток* бытия, в который втекают отдельные *струи* времени (см. [Новикова 2004: 407]). Второй образ, неразрывно связанный с *водой*, это, по выражению В.В. Малявина, зеркало мира, т. е. «воплощение покоя пустоты и неведомого двойника всех образов, хранимого игрой отражения» [Малявин 2003: 318]. В связи с этим *вода* была представлена в саду в двух ипостасях: статичной (*водная гладь прудов*) и динамичной (*водопады*, искусственные *потоки*, *ручьи*). С точки зрения геомантии, стоячая *вода* обладала способностью накопления животворной энергии ци и передачи ее зрителю, струящаяся же считалась мощнейшим ее проводником [Новикова 2004: 407].

Культ *воды* имеет место в мифологиях двух стран Кореи и Китая. Мир земной в дальневосточной мифологии – это, прежде всего, горы, *реки* и *моря*. *Река* и замкнутый *водоем* ассоциируются с волшебными *реками*, окружающими горы Куньлунь, и с *озером* бессмертия на его вершине. В корейской мифологической традиции *моря*, *реки*, *пруды*, *болота* и *колодцы* считались местами обитания *духов вод* (мульквисин). Подводное царство возглавляли пятицветные драконы (ёнваны), которые жили в *Восточном*, *Южном*, *Северном* и *Срединном морях* и охраняли четыре стороны света. Упоминания об этих мифах встречаются в художественной литературе:

«... она, ошеломленная, извивалась, как зеленый дракон *Восточного моря*» («Верная Чхунхян» 1990: 46); «Будто черный дракон – хозяин *Северного моря* держит в пасти жемчужину и забавляется с ней в радужном сиянии» («Верная Чхунхян» 1990: 52).

В старой Корее были установлены специальные места в разных частях страны, где приносились жертвы *духам рек* (чхонсин хабэк), *духам трех морей* (сам хэсин), и во избежание *наводнений* и для спокойствия в

стране совершались жертвоприношения духам семи *водоемов* (чхильток син) в виде пятицветных ритуальных денег, которые бросали *в реки* – Ханган в Сеуле, Туманган в Кёнвоне, Тэдонган в Пхеньяне, Амноккан в Ёйджу и др. (см. [Концевич 2001: 412, 446].

Частыми «водными» образами в корейских и китайских мифах являются *Восточное (Японское) море* (например, в мифе о сыне Тангуна – родоначальнике корейской нации, Хэбуру, а также в мифах о трех духах-родоначальниках, вышедших из горы Халласан на острове Чеджудо и др.), *реки Сяо* и *Сян* (в предании о *девах Реки* – женах императора Шуня, жившего в третьем тысячелетии до н. э., которые оплакивали умершего мужа на берегу сливающихся *рек Сяо* и *Сян*. Их слезы, как гласит легенда, падая на бамбук, оставляли на нем пятна), а также *озеро Девяти драконов* (по корейскому преданию, в Алмазных горах в *озере Девяти драконов* жил царь-дракон, у которого была волшебная жемчужина, добытая им в брюхе огромной рыбы и исполняющая все желания своего владельца). Ссылки на некоторые легенды в том или ином виде отмечены в художественной литературе:

«А Хун опять тронула нефритовой рукой струны и повела другую мелодию, медленную и грустную, и показалось, будто *струи дождя* побежали по крапчатому бамбуку *на реках Сяо Сян...*» («Сон...» 1982: 78); «Юноша, сидящий перед Чхунхян, был очень хорош собою <...> – ну точь-в точь старый дракон *из озера Девяти драконов*, который, пробудившись от сна, играет с драгоценной жемчужиной, исполняющей любые желания» («Роза и Альый Лотос» 1974: 316).

Будучи пространственным образом, *вода* выражает различные пространственные отношения: «верха» и «низа», ориентацию по сторонам света, размеры. *Вода* представляет «низ», горизонталь пейзажа, горы, небо, луна и дерево – его «верх», вертикаль:

«Вниз посмотрю – внизу синее *речка*. // Вверх посмотрю – там горы зеленеют. // ... И помыслам мирским нет места в сердце, // Когда восходит над землей луна»; «Поднялся на пик горы Тайшань – // Внизу раскинулись четыре *моря*» («Бамбук в снегу» 1978: 63, 161).

Однако в некоторых случаях *вода* может представлять из себя и конечную точку вертикали, например, *водопад* или *море* во время бури, шторма, когда *волны* достигают небес, а также *горную речку*, несущую свои *воды* с высокой горы вниз:

«Гляжу на горные хребты, // *На водопад*. // Летит он с облачных высот // Сквозь горный лес – // И кажется: то Млечный Путь // Упал с небес» (Ли Бо 2000: 23); «*Восточное море* близко // ... И вот лазоревым флагом // *Море* взметнулось ввысь! // Как трубы и барабаны, // *Волны* гремят и грохочут // И разгоняют тучи, // Нависшие *над водой*» («Бамбук в снегу» 1978: 255); «С гор низвергаясь, // с ревом мчится *река...*» («Облачная обитель» 2000: 199).

В некоторых дальневосточных странах (например, в Китае и Корее) ориентация по сторонам света гораздо распространеннее, чем в России. Там не скажут: «идите направо» или «налево», а в зависимости от ре-

альной обстановки, «идите на север» или «на запад». Отсюда часто горы, *реки, озера*, деревни, веранды и даже окна в доме, называются северными, южными, восточными или западными (см. об этом [Ли Бо 2000: 183]).

«Поднявшись на вершину Мачхоллена, // Я на море Восточное смотрю»; «На западное озеро вначале, // потом и на восточное пройду я» («Бамбук в снегу» 1978: 180, 140); «На южном озере // Покой и тишина» (Ли Бо 2000: 46); «Пусть небо и земля шатром не станут; // Светильником – луч солнечный и лунный; // Вином – вода из Северного моря, – // Ее хотел бы лить я в жбан огромный // И пить, не зная, что такое старость...» («Корейская классическая...» 1953: 134).

Что касается размеров, то, по мнению М.И. Никитиной, размеры *воды* «не играют роли и могут быть как угодно малы или, напротив, достаточно велики, но в условиях видимости противоположного берега, выполняющего функции рамки зеркала – *воды* как отражающей поверхности. В любом случае масштабы горизонтали ничтожны по сравнению с вертикалью» [Никитина 1982: 45].

Вода в дальневосточной культуре выступает в качестве одного из самых важных элементов пейзажа. Там без *водных образов* немыслима идеальная картина природы. Прозрачные *воды* символизируют не только великолепие природы этой части континента, но и гармонию чувств и возвышенную чувствительность:

«Неописуемо красивы горы Кымган с величественными скалистыми вершинами, таинственными ущельями, бесчисленным множеством прелестных *водопадов и ручьев*» («Предания гор Кымган» 1990: 1); «*Ключи и ручьи* здесь чисты и прозрачны, повсюду – прекрасные места для прогулок» (Сон Хён 1994: 38).

С точки зрения фэн-шуй, *вода* была необходимым элементом перед входом в дом. Жилые дома в Корее и Китае старались располагать рядом с *водоемом*. *Река* по соседству делает человека внутренне свободней, предоставляя ему право выбора, ведь он волен остаться, посвящая жизнь привычным делам, или отправиться в путь навстречу новым впечатлениям и людям. И тогда приходит время прислушаться к совету оракула древней «Книге перемен»: «Пришло время переправиться *через великую реку*». Что означает – настал момент для начала важных дел (см. [Новикова 2004: 408]).

«Я вижу из окна//ветвистый старый сук // Я выхожу к ручью, // что опоясал сад» («Китайская пейзажная...» 1984: 55); «У вас против двери студеная *речка* // и снежные горы стеной» («Чистый поток» 2001: 153).

Водный мир у дальневосточных народов предстает в двух основных ипостасях.

Это, прежде всего, пространство хозяйственных притязаний человека. Человек запирает *воду* в колодець: «Колодец // С незапамятных времен // Здесь каменной оградой обнесен. // Здесь женщины, // С базара возвратясь, // Смывают с ног своих // И пыль и грязь» (Ли Бо 2000: 72); утоляет ею свою жажду: «Пил он *воду* из ям, // Если летняя жажда то-

мила» (Ли Бо 2000: 128); «Мне бы чистой *воды* испить // Из прозрачного родника...» («Китайская пейзажная...» 1984: 136); использует ее для хозяйственных нужд: «Отыскал он *источник*, // Скитаясь в тумане, // Проложил к нему трубы // От нашего дома» (Ду Фу 2000: 249); ловит рыбу: «Горам и *рекам* радуются люди, уже пожившие, а молодые любят ловить рыбу и собирать травы» («Сон...» 1982: 584); пасет домашний скот в прибрежных районах: «С запада *речка* – // телята пасутся на ней» («Чистый поток» 2001: 158).

Водный мир – это и совершенно иное, не связанное с людьми пространство, наполненное обитателями и живущее по своим собственным законам:

«Про все дела мирские позабыв; // Халат из мешковины подобрал, // И шляпу из дерюжки нахлобучив, // Любуюсь долго стайками рыбешек, // Резвящимися на песчаном дне» («Бамбук в снегу» 1978: 263); «Выщипывают клювом гуси // речную ряску *из воды...*» («Китайская пейзажная...» 1984: 56); «Эта камбала... // Поднялись у нее // костяные зрачки над спиной. // Присосавшихся мидий // громоздятся огромные горы, // Их десятки, и сотни, // и растут они сами с собою // Тут прибрежные рыбы, // их хвосты – настоящие змеи. // Тут лягушки как наши, // нам привычные *хамо-лягушки...* // осьминоги-чжанцзюй // и моллюски-мацзя как столбы...» («Чистый поток» 2001: 199).

Вода в художественной литературе двух стран является цветовым образом. За ней закреплен синий (свидетельствует о ее незамутненности, нормальном состоянии), зеленый, желтый, белый цвета:

«Всегда молчит зеленая гора, // А *речка синяя* всегда струится...» («Бамбук в снегу» 1978: 80); «Гора Янь у реки Хань. // *Воды зеленые*, песок – словно снег» (Ли Бо 2000: 249); «А перед его глазами проплывали глубокие *воды Сяо, Сяна, желтые воды Дунтинху*, у которого не видно берегов» («Верная Чхунхян» 1990: 350); «Весенней *белою водою* // полны *затоны и пруды...*» («Китайская пейзажная...» 1984: 55).

Красная вода – знак весны, времени, когда *воды* несут лепестки от отцветающих персиковых деревьев:

«Со Ю продекларировал: “– Пришла весна, и персика цветы поплыли *по волнам*,” – и добавил: “Не иначе как именно в этих местах – персиковый лес Улина”» (Ким Ман Чжун 1961: 120).

Речение фразеологического характера (далее РФХ) *цвет у воды и у небес един!* часто встречается в корейской поэзии XVII-XVIII вв. Оно широко использовалось как знак определенной пейзажной ситуации («Бамбук в снегу» 1978: 314):

«Над западной грядой далеких гор. // Садилось солнце, *в море* отражаясь. // Оно застлало водные просторы // Шелками красными и голубыми. // Где небо тут? И где *вода*? Кто знает? // «*Цвет у воды и у небес един!*...» («Бамбук в снегу» 1978: 276); «*Над рекою* падает белый иней, и *цвет воды сливается с цветом неба*» («Верная Чхунхян» 1990: 342).

Вода отмечена в роли ольфакторного знака:

«Счастливым Чхунбаль тотчас велел служанкам омыть младенца *ароматной водой* и показать ему сына» («Повесть о девице Ок» 1997: 46).

Для ароматизации *воды* использовали разные добавки, например, лепестки орхидей:

«Служанка принесла таз, полный *воды* с благоуханными лепестками орхидей» (Би Сяошен 1992: 114).

Вода – звуковой образ:

«Сияние луны и *плеск ручья* // Ночной порой беседку наполняют»; «Не здесь ли дивные сады Улина? // Не здесь ли *Персиковый Ключ журчит?*» («Бамбук в снегу» 1978: 77, 110); «И *ручейка* он слышал *звон...*» (Ли Бо 2000, 29).

Журчание *реки* или *ручья* для корейцев – эталон в мире звуков, с ним отождествляется звучание музыкальных инструментов:

«Нын Пха достала пибу и тронула струны – звуки были чисты, они словно печалились и тосковали; казалось будто *ручей журчит* в горной долине...»; «... музыка журчала, как *вода в реке Цюйцзян...*» (Ким Ман Чжун 1961: 324, 315); «Он вынул из-под кольчуги флейту и заиграл спокойную, величавую, как необъятная ширь, мелодию – и стан мигом затих. Казалось, *большая река* катит *весенние вздувшиеся воды...*» («Сон...» 1982: 191).

Вместе с горами *реки* в дальневосточной ментальности ассоциируются с вечностью и неизменностью:

«С вершины могучей // срывается вниз *водопад*. // *Пустынные воды* – // им многие тысячи лет! // Скалистые пики // здесь целую вечность стоят!» («Китайская пейзажная...» 1984: 39); «... Чисты и звонки ветров голоса, // но и они нередко замолкают. // И лишь одна *Вода* на радость мне // Движенья никогда не прерывает!» («Бамбук в снегу» 1978: 131).

В корейской классической поэзии определяется участие *воды* в моделировании времени в пределах года, отображении сезонных изменений природы.

Зима: «Уже зима на *реках и озерах*, // И *снегом* завалило все вокруг» («Бамбук в снегу» 1978: 49-50); «У переправы *реку лед* сковал...» («Светлый источник» 1989: 397); весна: «*Весенней водою* // *озера* полны»; лето: «Уже на *реках и озерах* лето. // Из бедной хижины я выхожу» («Китайская пейзажная...» 1984: 29, 25); осень: «И холодной осенней порой // Зеленеет густая туя. // ... Лик луны дрожит на волне // И *вода в пруде* помутнела...» («Бамбук в снегу» 1978: 29).

Следует отметить, что на Дальнем Востоке *осенние воды* символизируют чистоту и непорочность:

«Мысли ее были чисты, как *осенние воды* и высокое небо...» («Жизнеописание...» 1985: 63).

Не только времена года, но и время суток рассматривается в зависимости от состояния *воды* в естественных *водоемах*, которая в дальневосточной художественной литературе имеет свои специфические метки:

- день: «Все выше солнце. Стало припекать. // Река спокойна и блестит, как масло» («Бамбук в снегу» 1978: 134);

- сумерки: «Вершины скал и сто закатных красок // Отражены зеркальной гладью вод, // Темнеет лес, журчит родник прозрачный... // И восхищением душа полна» (Там же: 82);

- ночь: «Ночь опустилась над рекой осенней. // О берег бьет холодная волна» (Там же: 61).

С горами и реками связывается представление о малой родине:

«О, как не хочется мне покидать // Родные горы и родные реки» («Бамбук в снегу» 1978: 125); «На речке Мэнцзинь // свою оставил я семью, // И устье Мэнцзинь//как раз против наших ворот» («Чистый поток» 2001: 85).

В художественной литературе реки выступают как часть территории, в пределах которой ведутся военные действия:

«Мы не забыли // прошлогодний бой, // Бой, отгремевший // За Саньган-рекой. // А ныне снова // В бой ушли полки, // Чтоб драться // В русле высохшей реки» (Ли Бо 2000: 139).

Реки и горы – преграда на пути мирского шума. Этот мир может быть противопоставлен миру, охваченному суетой:

«Смотрю и смотрю // на далекий речной горизонт, // Дорога сюда // хоть и не очень длинна, // Но и горы и реки // преградой встают на пути. // С тех пор как уехал, // минули и месяц и год, // А доброму другу // никак до меня не дойти» («Китайская пейзажная...» 1984: 62).

Горы и реки являются пристанищем для любящих реки и озера («Светлый источник» 1989: 474), так называли отшельников, задумавших покинуть мир суеты. Их дома обычно находятся на берегу «чистого» ручья, реки или моря:

«Теперь у моря буду жить, // Теперь я буду жить у моря. // Одних улиток стану есть // И буду жить всегда у моря!» («Бамбук в снегу» 1978: 36).

Здесь он живет, получая большое удовольствие от жизни на лоне природы, вдали от суетного мира, больших городов:

«Друзья, послушайте, я вас зову // Горами и ручьями любоваться! // Сегодня будем среди полей бродить, // А завтра в светлой заводи купаться. // С утра мы станем травы собирать, // а к вечеру поближе порыбачим... Что может быть прекрасней вольной жизни // Среди зеленых гор и синих рек?» («Светлый источник» 1989: 383-384).

Берег реки – место расставания с другом:

«На речном берегу // Предстоит нам расстаться с тобой...» (Ли Бо 2000: 70).

Друзья уехали, однако поэт не одинок:

«Всего лишь несколько всегда со мною // Друзей: Бамбук, Сосна, Вода, Утес. // Когда же над восточной горой // Луна восходит, я ее встречаю! // И, кроме этих пятерых друзей, // Никто на свете больше мне не нужен!» («Светлый источник» 1989: 370).

Для отшельника верным товарищем может быть и одиноко стоящая сосна у реки. Тут у реки он проводит долгие часы:

«Без тебя мне осталось // Сидеть одному у воды // На речном перека-
те, // С вечнозеленой сосной» (Ли Бо 2000: 77).

«Гостями» поэта-отшельника, который поселился у «рек и озер», становятся птицы:

«Легкокрылая лебедь // парит над озерной водой, // Одинокому гусю // пристанищем станет река»; «Хорош Сиху! Вновь на него // Я устрем-
ляю взгляд. // Опять и небо и вода // по-новому видны. // И цапля с чай-
ками опять // На озере гостят...» («Китайская пейзажная...» 1984: 44;120).

Поэт хотел бы здесь обрести вечный покой:

«Когда умру, пускай речные волны // возьмут к себе мой охладелый
прах. // Пусть у далеких отмелей Хангана // Они рыдают и о берег бьют-
ся...» («Бамбук в снегу» 1978: 90).

Вплощениями человека после его смерти могут стать различные образы воды: «Ты умрешь и ты водою станешь. // Но водой серебряной стремнины, // Водопада, голубого моря, // Чистого ключа, ручья как яшма // Иль рекой широкой ты не будешь. // Тьмы и света родником ты станешь, // Неизменно вечно полноводным, // Даже в семилетнюю засуху» («Верная Чхунхян» 1990: 48).

Мир природы хранит множество вековых тайн и сокровищ, скрытых от человеческих глаз, которые отшельник унес с собой:

«Не узнает никто, // что здесь было в долине Трех Рек, // Ни о чем в Девяти Родниках // не расскажет вода. // В этом мире от нас/все чудесное скрыто навек, // И отшельник-даос // свою тайну унес навсегда. // Огоньки чудодейственных трав – // их нигде не найти, // И волшебную яшму свою // затаила река» («Китайская пейзажная...» 1984: 41-43).

Вода играет важную роль в разного рода ритуалах. Ею омывают младенца после появления на свет: «Хёккосе искупали в Восточной реке, и его тело засияло» [Троцевич 1996: 32]; используют в похоронных обрядах: «После установления дщицы в покоях Пин-Эр геомант принес жертвы духам в передней зале, после чего всю ее окропил водой» («Цветы сливы...», Т.2, 1998: 186).

Реки – это места, где совершаются жертвоприношения и поминают усопших:

«Ян велел мальчику приготовить деньги, вино, фрукты для жертвоприношения и отправился на берег реки Цяньтан <...> Ян возжег благовонные курения и прочитал поминальное слово...» («Сон...» 1982: 99).

В корейском искусстве вышивки «водные» образы являются одними из любимых узоров:

«... инспектор обратил внимание на крапленный золотом бамбуковый веер, который держала певичка. На нем был изображен ручей, а вдоль ручья – орхидеи» («Сон...» 1982: 94); «... ширмы с нарисованными на них горами и реками...» («Корейские повести» 1954: 177).

Гидронимы отмечены в названиях. *Четыре Моря* – одно из образных названий Китая:

«На небесах и на земле // В пределах *Четырех Морей* // Все знают выдающегося мужа» (У Цзин-цзы 2008: 420).

Вода становится критерием оценки индивидуальных качеств человека, его различных психологических состояний, социального поведения, места в обществе, внешности, а также выступает в качестве «термометра» для «измерения» накала чувств и страстей человека, его эмоциональных состояний, мерила человеческих взаимоотношений.

Река, как часть природы, внушает преклонение, глубокое по силе чувство уважения, возможно, поэтому в дальневосточной ментальности *река* олицетворяет величественное поведение человека:

«Королева приняла придворных дам, ничем не выдавая своих чувств, она была величава, как глубокая и широкая *река*» («Жизнеописание...» 1985: 78).

Дух ветра и потока – «состояние полной внутренней свободы, раскованность – неперемное условие творческого вдохновения человека» («Светлый источник» 1989: 475).

«По нраву ль мною избранный удел // Вам погребенные в пыли багряной, // Постигшие *«дух ветра и потока»*, // Чему учили древние мужи?» («Светлый источник» 1989: 475).

У многих народов *пролитая вода* может связываться с потерей, а также бесполезностью, никчемностью существования человека. Корея не является исключением:

«Теперь я – *пролитая вода* или рассыпанное зерно, говорила она себе. – Кто же круглый год будет заботиться об отце, когда я умру?» («История о верности...» 1960: 205); «От тебя толку, как от выпущенной стрелы или *пролитой воды*» («Верная Чхунхян» 1990: 101).

«Водные» лексемы часто встречаются в образных сравнениях, где служат разного рода эталонами: красоты, грации, изящества и т. п. Так, в описании красавиц присутствуют некоторые «водные» фрагменты. Внешность прелестной женщины, а также ее голос отождествляются с *глубокой и чистой рекой*:

«Король и королева лично осмотрели ее – она была <...> как *глубокая чистая реченька*» («Жизнеописание...» 1985: 85); «Она читала, и голосок ее струился <...> как *текущий ручеек*» («Повесть о Чёк Сёные» 1996: 140).

«Водные» образы – это «единицы измерения» разных типов любви, например, любви к отечеству: «И потому чувства мои к стране Мин огромны, как небо, тверды, как скалы, широки, как *река*, и глубоки, как *море!*» («Сон...» 1982: 719), родителей к детям: «Но ведь родители, когда нас растили, изливали на нас *моря любви и озера ласки...*» («Записки...» 1985: 162), мужчины и женщины: «В моей душе, переполненной, как *океан*, любовью таится непоколебимая забота о судьбе Чхунян, и вы ни о чем не должны беспокоиться!» («Сказание о Чхунян» 2003: 54); «Любовь моя глубока, как *море*, и широка, как небо – как небо, отра-

женное *в бездонном море*» («Сказание о Чхунянь» 2003: 60), а также такого эмоционального состояния людей, как счастье: «А счастье господина Иня и его супруги было так велико, что по сравнению с ним и *моря* казались неглубокими, и горы низкими!» («Записки...» 1985: 150), реакции людей на определенную ситуацию, которая сопровождается сильным плачем, которая была вызвана большим горем, душевным страданием: «Рыдания ее напоминают *бушующий водопад Ёсан*» («Корейские повести» 1954: 133).

В дальневосточной ментальности любовь – «вкусовой» образ. Любовь нежеланного уподобляется *воде*, причем акцент делается на ее пресный вкус, чувство любимого же приятно, отсюда, очевидно, отождествление его *со сладким вином*. Заметим, что существительное *вино* ассоциативно связано с лексико-семантической группой «*вода*».

«Говорят, любовь господина безвкусна, как *вода*, и только любовь милого – сладкое *вино*» («Сон...» 1982: 119).

У гор и рек в дальневосточной литературе есть еще одна роль – «разлучника»:

«О, если б можно было горы срыть // и реки иссушить, // Разлук среди людей, // наверное, не стало б!» (Жданова 1998: 212).

Некоторые гиперболические выражения, в состав которых входят «водные» лексемы, служат для описания интенсивности звучания музыкальных инструментов:

«Грохот гонгов и барабанов, гром победных песен, казалось, могли обрушить горы и опрокинуть *моря*» («Записки...» 1985: 230); «Она взяла медиатор и заиграла: страсть и скорбь звучали пронзительно, словно звенели осколки внезапно рухнувшей медной горы, словно стонал медный колокол. Казалось, будто разлилось *бескрайнее море*, а над ним раскрылось во всю ширь безоглядное небо» («Сон...» 1982: 116).

В корейских произведениях также зарегистрированы выражения явного и намеренного преувеличения, имеющие целью усилить выразительность, в их составе есть гидронимы. В них присутствует несоответствие масштабов: малое сравнивается с огромным.

«Меня осквернили грязной клеветой, ее не смоешь, хоть вылей все *Восточное море!*» («Скитания...» 1960: 373).

С лексемами, обозначающими естественные *водоемы*, образовано много стереотипных метафорических выражений:

Небесная, Серебряная или *Облачная река* – названия Млечного пути (см. «Светлый источник» 1989: 472; «Китайская пейзажная...» 1984: комментарии):

«По дороге Лай-бао захватил Лай-вана с подарками, и они вслед за управляющим перешли мост *Небесной реки*» («Цветы сливы...», Т.1, 1998: 199); «Сквозь сень одона лунный луч скользнул. // Уже четвертую пробили стражу... // Не во дворце ли я сейчас Хрустальном, // воздвигнутом на острове Сиху? // Или через *Серебряную Реку* // Перемахнул и на луне стою?..» («Бамбук в снегу» 1978: 265); «Ухожу далеко // *В об-*

лачную реку. //Холод неба // за пределами пустыни» («Китайская пейзажная...» 1984: 93).

Желтая река – ‘царство мертвых’:

«И если мне придется впустую потратить еще несколько ночей, то знай, что Янь Шифань непременно станет обитателем долины *Желтой реки!*» («Записки...» 1985: 182).

По древним поверьям, *Девять Истоков* – загробный мир («Бамбук в снегу» 1978: 297).

«И лишь одна высокая Сосна // Ни снега, ни морозов не страшится, // И к *Девяти Истокам* под землей // Ее могучие простерлись корни» (Там же: 132).

Герои (или *молодцы*) с озер и рек в Китае – благородные разбойники, иногда повстанцы (см. «Цветы сливы...» 1998, Т.2: 423):

«Хочешь жениться – повремени немного, я сам найду тебе жену. А женишься на вдове – что скажут *герои с озер и рек?* Засмеют!» («Цветы сливы...» 1998, Т.2: 301).

Фразеология любого языка – «это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа» [Черданцева 1996: 58]. В корейском языке отмечены РФХ, содержащие в своем составе «водные» лексемы:

РФХ *быть у рек и озер* имеет значение ‘быть не у дел, в провинции на лоне природы’ (см. «Записки...» 1985: 451):

«Батюшка твой покойный телом *был у рек и озер*, но своей изболевшею душою он всегда оставался в Государственном совете» («Записки...» 1985: 149).

РФХ *уйти к горе Цзиниань и реке Иншуй* – ‘удалиться в дальние края и стать отшельником’ («Сон...» 1982: 745).

«Если госпожа Хуан умрет, я *уйду к горе Цзиниань и реке Иншуй*, дабы искупить свою вину» («Сон...» 1982: 510); «Прав был Сюй Ю, когда в горах Цзишань // *водой источника промыл он уши*. // Звук черпака, звеневшего под ветром, // Напоминал ему об искушенье // И укреплял решимость. Он остался душою чистым, совестью прямым» («Бамбук в снегу» 1978: 266).

Значение РФХ *есть бобы и пить чистую воду* – ‘заботиться о родителях, выполнять долг сыновней почтительности’:

«– Уважаемый господин, в жизни добродетель определяется отнюдь не ученой степенью. Я же думаю лишь о том, как бы отец побыстрее вернулся к сельской жизни, и я смог бы, как говорят, “*есть бобы и пить чистую воду*”. В этом высшее наслаждение» (У Цзин-цзы 2008: 111).

«Водные» образы фигурируют в составе пословиц и поговорок:

«Говорят, *пролитую воду не соберешь в чашку*. Однако Чунь утверждает, что любит и ценит тебя в десять раз больше, чем прежде» («Записки...» 1985: 241); «И если бы даже его внучка была недалеко, она, получив такое воспитание, прославилась бы на всю страну: *когда гора высока, в ней появляется яшма, когда море глубокое, в нем рождается*

порфира! Известно, ведь необыкновенные люди вырастают в необыкновенных семьях» («Жизнеописание...» 1985: 64).

Воды придавали магические свойства: считалось, что она может вернуть молодость:

«Вдруг старик ударил рукой по колену и воскликнул: – Да, эта *вода из родника* оказалась нектаром. Она же вернула мне молодость!» («Предания гор Кымган» 1990: 2).

У корейских моряков существовало много поверий и примет, связанных с образом *воды*. Одно из поверий находим в стихотворении неизвестного корейского поэта:

«Корабельщики и моряки, // кто *по рекам* плавает и *море*, // В дальний путь выходят за зерном, // Взятые с урожая в счет налога; // В третью и четвертую луну, // Обновив суда и подготовив – // Маленькие, средние, большие, – // В барабаны бьют и в дудки дуют, // И приносят жертву *духам рек* // И дракону *из глубин морских* // Трех сортов отменными плодами... “Нам бы *по волнам* пройти бескрайним, // словно *по воде*, налитой в блюдце, // И вернуться снова в край родной!” Жертву щедрую приносят *духам*...» («Бамбук в снегу» 1978: 233).

ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Облака, тучи

Облака, без деления на собственно *облака* и *тучи*, осмыслялись в религиозно-мифологической и в даосско-религиозной традиции в качестве принадлежности высшего, небесного мира, а также средства передвижения божественных персонажей и бессмертных:

«Трижды император пытался удержать их, но они были непреклонны: сели *на пятицветные облака* и уплыли на них, подгоняемых свежим ветром, в голубую даль» («Сон...» 1982: 375-376); «Внезапно откуда-то появилось *пятицветное облако*, в замке громко заиграла музыка, и вот уже *с облака* торжественно спускается богиня Яшмовой столицы, держа в правой руке красный цветок корицы, а в левой – лазоревый цветок персика» («Верная Чхунхян 1960: 227).

Облака – альфа и омега китайского созерцания. Первичная материя, первичный феномен, предел всякого видения. В натурфилософии и в даосской философии они превратились, с одной стороны, в воплощение небесной пневмы-ци, а с другой – символ быстротечности человеческой жизни и эфемерности его деяний. «*Облака*, всегда далекие, холодные и чужие, в конце концов переживаются нами как универсальная метафора человеческого существования. «*Плывущие облака*» – это аллегория жизненного пути, несказанной легкости просветленного духа (см. «Книга прозрений» 1997: 334):

«Жизнь – *облако*, плывущее в осенних водах» («Цветы сливы...» 1998, Т.1: 132).

Плывущие облака – это и вереница свершений земного бытия; мудрый человек «с утра наблюдает формы *облаков* и так выправляет себя» (см. Там же: 334).

Те же *облака* есть образ человеческой речи – произвольной и нескончаемой, как сама жизнь:

«Она читала, и голосок ее струился, будто *плывущее облачко...*» («Повесть о Чёк Сёные» 1996: 140).

И еще *облака* – прообраз череды сновидений, побуждающих нас пробудиться, прообраз великой естественности сознания, сумевшего освободиться от всего частного и бренного, до конца «опустошить себя» («Книга прозрений» 1997: 334-335).

«Посмотри, как проходят *облака* сквозь гору, не встречая преград: так постигаешь секрет погружения в пустоту» (Хун Цзычэн, XVII в.) (цит. по: «Книга прозрений» 1997: 335).

Облака – вовсе не косное, инертное вещество, они не остаются неизменными и могут меняться в зависимости от обстоятельств:

«Прекрасны в синем небе *облака*, // Но ведь, бывает, и они темнеют» («Бамбук в снегу» 1978: 131).

Облака – элемент идеальной картины мира, вызывающей восхищение у наблюдателя:

«Белеет *облачко* над горным склоном? // Любуясь видом – в мире лучше нет» («Бамбук в снегу» 1978: 66).

Облака выступают в качестве знака времен года:

«*Весенние облака* – как белые журавли; они парят высоко и привольно. *Летние облака* – как могучие пики; они отливают свинцом, навесают всей тяжестью и непрестанно меняют облик. *Осенние облака*, как рябь на глади вод; они разбегаются тонкой паутинкой и светятся небесной лазурью. *Зимние облака* – словно размывы туши и своей толстой вуалью покрывают все небо» (Хань Чуньцюань XII в.) (цит. по: «Книга прозрений» 1997: 335).

Облака связаны с передачей цветовых впечатлений:

«На северных склонах, // белея, лежат *облака*» («Китайская пейзажная...» 1984: 24); «И вереница *желтых облаков* // Тянулась над широкою долиной» («Бамбук в снегу» 1978: 167).

Облака пяти цветов (голубого / зеленого, желтого, красного, белого и черного) считались благоприятным предзнаменованием. В Китае *облака*, особенно *розовые*, символизируют счастье, а также вознесение на небеса. «*Девятое облако*» – мистический символ счастья [Тресиддер 2001: 244]. Ср. русск. (*быть*) на седьмом небе.

Пятицветные облака – ольфакторный знак:

«Гетеры бросили в ручей свои веночки, и растекся по воде благоуханный аромат, <...> словно с горы Пэнлай приплыли сюда *пятицветные облака* небожителей» («Сон...» 1982: 693).

В литературно-поэтической и живописной образности и художественные трактовки и значения «*облаков*» намного расширились. *Одинокое облачко* или *вереница облаков*, уходящая за горизонт, стали симво-

лизировать одиночество человека, оторванного от дома и безмерно тоскующего по родным и друзьям [Кравцова 2004: 370-371]:

«Одиноко сижу в горах Цзинтиншань. // Плывут *облака* // Отдыхать после знойного дня, // Стремительных птиц // Улетела последняя стая...» (Ли Бо 2000: 38).

Отшельник, оставивший мир суеты, обретает покой на природе:

«С юных лет // Он карьеру презрел и отверг – // реди сосен он спит // И среди *облаков*. // Он бывает // Божественно пьян под луной, // Не желая служить – // Заблудился в цветах...» (Ли Бо 2000: 81).

Изгнанник, страдающий от своего изгнания и надеющийся вернуть расположение государя, наделяет *тучи* ролью посредника для решения его судьбы:

«С мольбою к вам я обращаюсь, *тучи*, // Плывущие над горным перевалом: // Примите слезы горькие мои // И в дальнюю столицу унесите – // *Дождем* пролейте их над государем, // Напомните о верности моей!» («Бамбук в снегу» 1978: 105).

В дальневосточной орнаментальной традиции существовал специальный тип узоров – «*облачный*»:

«Сплетенный из красных нитей пояс на блестящей подкладке из зеленого шелка был украшен *благовещими облаками*...» («Цветы сливы...» 1998, Т.1: 104); «Настоятель в пурпурном, расшитом *пятицветными облаками* одеянии <...> препроводил послания и призвал духов снизойти к алтарю» (Там же, Т.2, 1998: 34).

Форма *облаков* на Дальнем Востоке считается эталонной. В Китае в форме *облаков* изготавливали предметы женского туалета, в частности, заколки:

«Голову украшали жемчужный обруч и шпильки в форме вытянутых изумрудных *облаков*» («Цветы сливы...», Т.2, 1998: 204).

Облака и *тучи* встречаются в образных сравнениях, которые в переводных произведениях имеют ярко выраженный национальный колорит. Обращает на себя тот факт, что цвет прекрасных женских волос ассоциируется с *тучами*, а их пышность – с *облаками*. В этих сравнениях также действует принцип малое сравнивается с огромным:

«Кто-то, вижу, смял прическу, // В волосах, как *туча* черных...» («Песня над озером» 1971: 24); «девушка <...> с пышными словно *облако* волосами...» (Ким Си Сып 1972: 15).

«*Облакоподобные волосы* женщины» (Ким Ман Чжун 1961: 198) благоухают:

«Из-под заколки *ароматным облаком* вздымаются волосы, стянутые в узел» («Цветы сливы...», Т.1, 1998: 44).

Нами зарегистрированы и другие образные сравнения, в которых *облака* выступают в качестве разного рода эталонов:

- красоты звучания: «... песни их очаровали, словно *облака* в небе» («Цветы сливы...» 1998, Т.2: 132);

- воздушности, невесомости: «На дороге показалась толпа слуг. Они окружали громадный паланкин, как *облако*, плывший с востока» («Цветы сливы...» 1998, Т.2: 329);

- легкости на подъем, динамичности, быстроты: «... с малых лет, следуя за учителем, удалился в монастырь Небесной сини на Тяньтайских горах, потом, как *облако*, странствовал по свету» («Цветы сливы...» 1998, Т.2: 303).

Для корейца *облако*, особенно *лазурное (синее)* имеет символическое прочтение. Это символ успешной карьеры, так как выражение означает: 'преуспеть по службе, сделать карьеру' (см. «Сон...» 1982: 647).

«Ты о *Лазурном облаке* мечтаешь, // А мне о *белом* думать суждено» («Бамбук в снегу» 1978: 165); «Высокоодаренный ваш сын достиг *синего облака*...» («Сказания о госпоже Пак» 1960: 515).

В русских национальных представлениях *облака* характеризуют прежде всего отражение какого-либо внутреннего состояния (печали, задумчивости и т. п.) на лице, в глазах человека, пребывание в мечтательном состоянии (ср. русск. ФЕ *витать в облаках*).

Вода, которая падает с неба, – *дождь, роса* воплощает божественное оплодотворение. *Вода* замерзает и испаряется в природных условиях, становясь таким образом символической стихией превращения.

Дождь

Дожди оказывают благотворное действие на растения, созревание плодов:

«Волшебной влагою *дождя* // напоена земля, // И теплый ветер всколыхнул? // цветущие поля» («Китайская пейзажная...» 1984: 26); «В низине под обильными *дождями* // Весенним соком налилась трава» («Бамбук в снегу» 1978: 152); «Нечего думать, // что тяготы будут и голод: // Радостно всем // от таких благодатных *дождей*...» («Чистый поток» 2001: 158).

Дождь представлен в качестве знака разных времен года (например, весны и осени):

«Добрый *дождь* – // Свою он знает пору – // И приходит вовремя, // Весною» (Ду Фу 2000: 213); «... шум *дождя* на горах Башань извещает о приходе осени...» («Верная Чхун Хян» 1960: 192).

Дождь определяет и время суток, например, раннее утро, вечер, а также ночь:

«*Утренний дождик*, прошедший в Вэйчэне, // легкую пыль увлажнил» («Чистый поток» 2001: 83); «... в тени горы под *дождем сумеречным* // Нам приснился б один на всех глупый сон» (Ким Соволь 2003: 40); «В озерке *после дождя ночного* // Рыба разная кишмя кишит» («Бамбук в снегу» 1978: 217).

В литературе отмечена цветовая характеристика *дождя*:

«*Желтый дождь*, июньский, сумеречный...» (Ким Соволь 2003: 73).

Дождь – это и звуковой образ:

«Стекая со ступеньки на ступеньку, // Звенит о камень струйка дождевая» («Китайская пейзажная...» 1984: 189).

Этот звук становится эталонным в художественной литературе двух стран:

«Дождь прозвенел над чистой рекою – // Прекрасен на закате этот звук!» («Бамбук в снегу» 1978: 99).

В переводных с двух языков произведениях зарегистрированы общепринятые ономапии, такие, «как их слышат все члены данной языковой общности» [Влахов, Флорин 1986: 316]. Примером данных ономапий является подражание звуку дождя (ср. корейск. *ттук-ттук*; русск. *кап-кап*):

«Шумит холодный дождик – «сао-сао» («Китайская пейзажная...» 1984: 135).

Дождь в дальневосточной языковой ментальности амбивалентен. Он может быть как знаком великой радости, счастья: «Теперь мы свидетели, и радость моя безмерна, счастьем нет границ! Слово пролился дождь вовремя семилетней засухи, словно засияло солнце *вовремя* великого *потопа*» («Классическая проза Востока» 1974: 351), так и печали: «*Дождь* беспощадно хлещет целый день // По зеленеющей листве одона. // Так много у меня тревог на сердце, // А тут еще печальный звук *дождя!*..» («Светлый источник» 1989: 355), а также тоски по уехавшему в дальние края любимому: «Как же давно // уехали вы господин! // Стала лениться // брови густые чернить. // Горькие думы – тонкие нити *дождя* – // Не прерываясь, текут, текут, текут» («Облачная обитель» 2000: 198).

Девушка готова идти вслед за любимым, препятствия, природные катаклизмы не пугают ее, она решительна в своем стремлении соединиться с любимым:

«Я бы пошла! Я бы пошла! Вслед за любимым я бы пошла! И тысячу ли я бы прошла, и десять тысяч я бы прошла! Даже сквозь ветер и *дождь* я бы прошла» («Верная Чхун Хян» 1960: 89-90).

Слезы, как реакция на ситуацию при сильном, тяжелом или радостном переживании, отождествляются в дальневосточной литературе с *дождем*:

«Слезы *дождем* катились по ее лицу» («Корейские повести» 1954: 103); «Как *дождь* осенний, слезы льются, льются...» («Бамбук в снегу» 1978: 192).

В видении мира дальневосточными народами красота человека неотделима от красоты природы, поэтому для корейцев и китайцев совершенно естественным представляется соотнесение женщин с различными стихиями.

«В юности, когда ей лет пятнадцать или шестнадцать, она подобна <...> *весеннему дождю*...» (Малявин 2000: 546).

В корейском и китайском стереотипном мышлении разные стихии могут стать эталонами высоких морально-нравственных качеств:

«Его величественный вид поражал, как гром, его милосердие было благодатным *весенним дождем*» (Ким Ман Чжун 1961: 154).

Дождь отмечен в составе РФХ. В основе РФХ *играть в тучку и дождик* лежит легенда, которая рассказывает, будто к князю Чу Хуайвану (328-299 до н.э.) во сне явилась фея горы Ушань (гора находится на востоке провинции Сычуань) и разделила с ним ложе. Прощаясь, она сказала, что будет к нему приходить вечером, выпадая *дождем*, а утром уходить, поднимаясь в небо в виде *облачка*; см об этом (Ким Ман Чжун 1961: 375-376):

«Он обнял и поцеловал Цзинь-лянь, и они принялись *играть в тучку и дождик*» («Цветы сливы...» 1998, Т.1: 301); «Их супружеское счастье было похоже на гармонию *дождя* и *тучи*...» («Сказание о госпоже Пак» 1960: 520).

Засуха и *наводнения* издавна приносили народам Дальнего Востока разорение, нищету, голод. В Китае религиозные процессии циюй («моление *о дожде*») в честь царя драконов проводились в разное время года. Особенно много их было в мае, когда от горячих солнечных лучей трескалась земля, и в июне, когда *после дождей* народ выражал благодарность дракону за его доброту. Составным элементом такой процессии был танец дракона. Крестьяне совершали древний ритуал поклонения в храме дракона, обращались к божествам с петицией о ниспослании *дождя*. При этом распевались молитвы-просьбы:

«Пусть большой *дождь* льет *потоком*. // А маленький *дождь* – *капля за каплей*. // О нефритовый император! <...> Пусть *дождь* разольется над всей Поднебесной!» (Сидихменов 2000: 38-39).

С мольбами *о благодатном дожде* связана легенда о первом министре династии Шан Чэн Тане, который правил с 1766 по 1753 гг. до н.э. При Чэн Тане страну постигло бедствие – семилетняя засуха. Тогда он, считая себя виновником несчастья, босиком, в простой холщовой одежде отправился в Санлинь (Тутовую рощу) и стал молиться. По легенде, Небо вняло молитвам императора и послало обильный дождь (см. об этом «Верная Чхун Хян» 1960: 678). Ссылки на эту легенду встречаются в корейской литературе:

«Вспомните, как бывало в старину! Во время знаменитой семилетней засухи хотели принести небу человеческую жертву. Тогда добрый император Тан сказал: “Я молюсь о благе народа, но если нужна жертва, возьмите меня!” И он пожертвовал собой, обрезав волосы и ногти и окутавшись ковылем. Он молился в тутовой роще, и вот по всей земле, на тысячи ли хлынул *дождь*! Вот как бывало в старину!» («Повесть о Сим Чхон» 1960: 210).

Сливовым дождем называют благодатный трехдневный дождь в засушливую пору, когда созревала летняя слива («Бамбук в снегу» 1978: 309):

«Ждет трава не дождется//*Сливового дождя*» («Бамбук в снегу» 1978: 255).

Роса

В *росе* испокон веков люди видели благословение, которое Небо дает земле. Божественный, небесный дар, разноцветная *роса*, по даосским представлениям, напиток бессмертных (см. [Мифологический словарь 1992: 199]).

Роса – предвестник рассвета и приближающегося дня, символизирует чистоту, свет, духовное просветление, божественное Слово, святой дух; *сладкая роса* – это мир и преуспевание. *Роса* связана с идеей омоложения и бессмертия. В Китае «*дерево сладкой росы*», растущее на священной горе Куньлунь, служит символом бессмертия, это центр мира, принимающий на себя символизм Древа Жизни [Тресиддер 2001: 310], но в тоже время является буддистской эмблемой недолговечности, мимолетности.

Роса – знак весны, начала лета:

«Камыши окружили // широкие наши пруды, // Тростниковые стебли // стоят у просторной *воды*. // Их весною покрывает // целебная влага *росы*...»; «Выпадает *роса* // на душистых цветах полевых. // Хорошо зеленеют поля // этой поздней весной...» («Китайская пейзажная...» 1984: 59, 41).

Роса определяет время суток (вечер, ночь):

«Надвигается вечер, // *Росой* покрывается поле» (Ду Фу 2000: 83); «На склонах холмов // выпадают туман и *роса*. // В ночной темноте // показались за облаком звезды...» («Китайская пейзажная...» 1984: 73).

В Китае находились гурманы, которые добывали *воду* для чаепития довольно экзотическим способом: они собирали *росу* на листьях и цветах растений (см. [Малявин 2000: 555]).

«Еще там стояло старинное бронзовое зеркало, а вокруг него были разложены золотые щипчики, ножницы, инкрустированные яшмой, бритва, бокал чистой *росы*, собранный с лепестков роз...» («Книга прозрений» 1997: 390).

Росу использовали в ритуальных целях:

«*Чистая вода*» (мин шуй) – *вода*, используемая в древности при жертвоприношениях. Согласно «Чжоу ли», чистую *воду* собирали с помощью зеркала при луне (возможно, речь идет о *росе*, употребляемой в ритуальных целях). Такая *вода* в ритуале выступала в функции «первоначального вина» – юань цзю или сюань цзю. «То, что содержится в “Записях о ритуалах”, гласит: “Изысканности сладкого вина предпочитают чистую воду “первоначального вина” – “юань цзю”, [ибо она позволяет] ценить основу пяти вкусовых качеств» [Жданова 1998: 230, 228].

Считалось, что чистая *вода*, особенно *роса*, *родниковая* и *дождевая вода* имеют целебные свойства и являются формой божественной милости, даром матери-земли (*родниковая вода*) или небесных богов (*дождь* и *роса*). Это нашло отражение в художественной литературе:

«Вас ждут прогулки по красивейшим местам, каждый день можно будет наслаждаться персиками из садов богини Сиванму, лекарством

бессмертия, вином, «опьяняющим на тысячу дней», чудотворной *росой*» («Верная Чхун Хян» 1960: 305).

Роса входит в состав корейских имен. В Корее популярно женское имя *И Сьль* (букв. ‘*роса*’).

Грибок, росинка – ласковое обращение к детям, содержащее в себе национальную специфику. Для русского человека такое обращение, скорее всего, покажется ошибочным. Для русской языковой ментальности ласковые названия будут отождествляться с *солнышком*, а также различными животными, такими, как *зайчик, котик* и мн.др.

«Могла ли я надеяться, что ты, мой *грибок*, моя *росинка*, останешься в живых?» («Верная Чхун Хян» 1960: 227).

Роса – частый образ в дальневосточной литературе, символизирующий быстротечность и бренность земной жизни:

«*Роса* на диком луке // Так быстро высыхает, // Но, высохши теперь, // Назавтра утром // Опять падет... // А человек умрет, // Уйдет однажды, // Когда он воротится?!» («Китайская пейзажная...» 1984: комментарии); «В конце концов он махнул рукой на все и сказал себе: “Человек в этом жестоком мире – всего лишь беззащитная букашка, крохотная *капля росы* на кончике былинки! Стоит ли тратить быстролетную жизнь на тяжкие труды ради карьеры?”» («История цветов» 1991: 411).

Роса отмечена в образных сравнениях. *Росинки* – это также один из эталонов красоты на Дальнем Востоке. Небольшие белые зубы красавицы сравнивали с *росинками*:

«... *росинки-зубы* ослепляли белизной...» («Цветы сливы...» 1998, Т.2: 158).

В системе буддийских мировоззренческих координат *росинки* не менее великолепны, чем, скажем, жемчужины, так как все в мире обладает самоценной красотой и очарованием:

«Родители не могли нарадоваться на молодоженов, так они были прекрасны. Одна пара – словно две жемчужины, другая – словно *две капли алмазной росы*...» («Верная Чхун Хян» 1960: 628).

Иней

Иней – составная часть идеальной картины природы:

«Осенние звезды // летят над далекой рекой. // Сверкающий *инеи* // узорами белыми лег» («Китайская пейзажная...» 1984: 70).

Иней отображает сезонные изменения природы и выступает как знак поздней осени, начала зимы:

«Утром *инеи* белеет // на красной кленовой листве // ... Вот и осень прошла, – // мне до боли ушедшего жаль» («Китайская пейзажная...» 1984: 32).

Полярные образы (*роса* и *инеи*) зарегистрированы нами в одном контексте, посвященном описанию двух времен года (весне и осени):

«Камыши окружили // широкие наши пруды, // Тростниковые стебли // стоят у просторной *воды*. // Их весной покроет // целебная *влага росы*,

// А по осени *иней* // коснется их нежной красы» («Китайская пейзажная...» 1984: 59).

Иней в основном фигурирует в качестве ночного знака, реже – раннего утра:

«А ночью *иней* выпал в первый раз // И на ветвях деревьев серебрится» («Китайская пейзажная...» 1984: 108); «Утром *иней* белеет // на красной кленовой листе...» («Китайская пейзажная...» 1984: 32).

Иней – цветовой образ:

«Белый *иней* блестит // На поверхности наших мечей» (Ли Бо 2000: 133).

Следует отметить, что метафорическое выражение *белые росы* – это поэтический образ *инея* (см. «Облачная обитель» 2000: 119).

«Белыми росами // я заморожен так, // Что осенней цикадой // плачу, глядя во мрак» («Облачная обитель» 2000: 116); «Как холоден ветер осенний! // Белые росы предвещают утренний холод» (Кротов 2004: 391).

Иней связывается с женской красотой:

«Глаза Феи сверкали, как *иней* осенью, как ясное солнце летом» («Сон...» 1982: 243).

Эмоциональное состояние обиженной женщины, ее гнев ассоциируется с *инеем*, выпавшим в неурочное время:

«Чхун Хян, еле живая, гневно отвечает: – Послушайте, сато, разве вы не знаете, что, если женщина затаит обиду, для нее все равно, что жизнь, что смерть! Если женщина затаит обиду, *иней* может выпасть даже в пятой, шестой луне!» («Верная Чхун Хян» 1960: 99).

С *инеем* сравнивают белую цаплю:

«Вижу белую цаплю // На тихой осенней реке; // Словно *иней*, слетела // И плавает там, вдалеке» (Ли Бо 2000: 42).

Однако в этом случае не совсем понятно, какие качества цапли автор хотел выделить: белизну оперения птицы, чистоту (цапля является символом чистоты и незапятнанности), легкость или еще что-либо другое.

Туман

Вечер, ночь, а также утро характеризует такое природное явление, как *туман*:

«Крылья белый *туман* распластал, // И на тысячи ли над водою // Польшаёт огнем закат»; «На склонах холмов // выпадают *туман* и *роса*. // В ночной темноте // показались за облаком звезды...» («Китайская пейзажная...» 1984: 155, 73); «Крепость подернута поздним утренним *туманом*...» («Сказание о Чхунянь» 2003: 20).

Как и *роса*, *туман* – временной образ, исчезающий сразу при появлении солнца, за *рекой* же закреплено представление о вечности:

«Вода бежит в реке, не иссякая, // Но исчезает утренний *туман*. // Зачем и что явилось и исчезло – Как может знать об этом человек?» («Бамбук в снегу» 1978: 179).

Туман – цветовой образ, в палитре три цвета: белый, голубой и синий.

«Крылья белый *туман* распластал...»; «Стелет *туман* голубой» («Китайская пейзажная...» 1984: 155, 169); «Ты различаешь, // Как в *тумане* синем // Горы Хэншань // Раскинуты отроги» (Ду Фу 2000: 331).

Туман предстает в качестве нового жилища отшельника, покинувшего мир суеты:

«*Туман* рассветный – вот мое жилище! // А ветер и луна – мои друзья!» («Бамбук в снегу» 1978: 66).

Туман – знак эмоционального состояния человека, его невеселого, нерадостного настроения:

«Над снегами стелется шелковый *туман*. // Не сотрется из памяти эта пора. // Это пора для нескрываемых слез, // Кручины, сводящий с ума, пора» (Ким Соволь 2003: 40).

На Дальнем Востоке *туман* выступает и как эталон красоты. Полагали, что пышные волосы похожи на *туман*:

«... волосы ее клубились, словно *туман*...» («Цветы сливы...», Т.2, 1998: 224).

Порозовевшие щеки корейской девушки – *закатный туман* (с русск. *щечки, как яблочки; кровь с молоком* и др.):

«Чуть тронутые румянами нежные щеки девушки розовели, как *закатный туман*» («Верная Чхунян» 2003: 30).

Снег, лед

Снег характеризует зиму, является ее знаком:

«*Снег* на тысячу ли // Только холодный *снег* // Запорошил поля, // В белое их одел» («Китайская пейзажная...» 1984: 127); «Суровой зимою // Нагрнут *снега* и *метели*...» (Ду Фу 2000:204).

Снег – знак «разлучника»:

«Моей семьи // И *снег*, и ветер // И *снег*, и ветер // Разделили нас» (Ду Фу 2000: 51); «Прошлый год растались // Мы у стен Юйханя. // Словно пухом ивы // *Снег* замел твой след. // Вскоре за зимою // И весна промчалась. // Ива сыплет *снегом*, // А тебя все нет» («Китайская пейзажная...» 1984: 141).

Здесь *снег* употреблен в прямом и переносном значениях.

Снег фигурирует в метафорическом выражении, обозначающем любвеобильного мужчину:

«– Старшая сестрица! А ты видела, как эта Мю приторговывает себе красавчика? Только что, подавая бокал старшему брату, она коснулась его запястья! А он-то какой бесстыдник! Истинный «похититель ароматов» – Да наш братец, похоже, *сделан из снегов Великой зимы*. Увидел женщину и уже тает» (Би Сяошен 1992: 124).

«*Ледяные*» образы используются в образных сравнениях. *Со снегом, льдом и инеем* связываются такие морально-нравственные качества человека, как добродетель, целомудрие и душевная чистота: «Он не знал, по каким дорогам бродит она, добродетельная и [чистая], как яш-

ма и лед, как *иней* и *снег*»; «В письме проявились целомудрие и чистота, подобные *снегу* и *инею*» («Ссянчхон кыйбон» 1962: 56, 54), а также строгость и недоступность: «У Чхи смутился: – Это не женщина, а *лед со снегом*! Мне не удалось с ней и словом перемолвиться» («Верная Чхун Хян» 1960: 283).

За эталон белизны на Дальнем Востоке принят *снег*, чистоты – *лед*.

«Как *снег*, // Бутоны мэйхуа цветущей» («Китайская пейзажная...» 1984: 186); «Гречиха, как *снег*, // цветет далеко впереди» («Облачная обитель» 2000: 118).

У настоящей дальневосточной красавицы лицо «как *из льда*» (Тань Аошуан 2004: 189), зубы, кожа рук и ног, а также все тело уподоблялись *свежему снегу*.

Русскоязычному читателю может показаться удивительным сравнение красивых голосов с *чистым снегом*. У русских будут преобладать другие мотивы (ср. речь русской красавицы, например, «*тиха как лебединая*», у русского мужчины *бархатный* голос, а поет русский человек, как *жаворонок* или *соловей*). Подобные образные сравнения национально-специфичны по своей сути:

«Голоса у юношей были и в самом деле прекрасные: чистые, как только что выпавший *снег*...» («Цветы сливы...» 1998, Т.2: 132).

С «ледяными» лексемами образованы РФХ. РФХ *служить льдом* означает «быть свахой». Выражение восходит к древнему рассказу о вещем сне, где стоящий *на льду* разговаривал с кем-то *подо льдом*. По снотолкованию оказалось, что *лед* изображает посредничество между светом *надо льдом*, то есть началом солнечным и мужским, и светом *подо льдом*, то есть началом мрачным и женским. Посредничество это напоминает сватовство (см. Пу Сун-лин 1999: 361):

«Послушай, – сказала старуха, – я тебе, как говорится, *служу льдом*...» («Сказание о Чхунянь» 2003: 203).

Снег отмечен в корейской поговорке:

«Между тем император пригласил во дворец Яна и сказал ему с грустью: – Древняя поговорка гласит: “*Коли жена захочет, в мае снег выпадет!*” Как мы скорбим, что в свое время оказались несправедливы к Фее, принудили ее покинуть столицу и жить в далеких горах. Как жаль, что мы тогда не распознали ее преданности и честности» («Сон...» 1982: 485).

Волны

Волны, как наименование форм движения *воды*, являются частью идеальной картины мира:

«Красота набегающих *волн*//неподвластна словам» («Китайская пейзажная...» 1984: 41).

Металлическая или *золотая волна* – поэтический синоним осенних *вод* (см. «Китайская пейзажная...» 1984: комментарий):

«Открывается взору//вдали *Золотая волна*» («Китайская пейзажная...» 1984: 78).

Метафорическое название *волн – горы из серебра* призвано обозначать ‘*волны*’ («Облачная обитель» 2000: 122).

«Колеблются *горы из серебра*//вокруг голубой горы» («Облачная обитель» 2000: 121).

Синий и зеленый цвета определяют колористический образ *волн*:

«Здесь кроме *синих волн* лишь облака» («Бамбук в снегу» 1978: 180); «Цвет быстрой *воды*, // Омывающей склоны, // С чем может // сравниться на взгляд, – // Не с черной ли тушью // И яшмой зеленой, // Когда они // Рядом лежат? // Гляжу я, как солнце // Блестит, пламенея, // Сквозь гребень // *Зеленой волны*...» (Ду Фу 2000: 225).

Волны – звуковой образ:

«Шумные *волны* террасы Рыбацкой//днем навевали сон...» («Облачная обитель» 2000: 133).

Для звукоподражания *плеску волн* в Китае используется ономапоэя:

«А *волны* – “чань-чань” – журчат...» («Китайская пейзажная...» 1984: 130).

Заметим, что в корейском языке имеется большое количество подобных изобразительных слов, таких, например, как, *чхулонг-чхулонг, номциль-номциль, чхольсок-чхольсок*, которые используются в речи в зависимости от размера *волн* и степени интенсивности звука, которые они издают.

Из художественной литературы можно получить представление о размере *волн*:

«О далеком острове Инчжоу // рассказал моряк. // Прячут его *волны*-исполины, // сокрывает мрак, // не дойти никак» («Китайская пейзажная...» 1984: 89); «Тут *волны*, высотой с Тайшань, взметнулись // Над безднами морскими до небес» («Бамбук в снегу» 1978: 276).

Живя в одиночестве, для отшельника единственным другом, с которым он мог бы разделить все свои заботы, а также печаль, становится *волна*:

«Грусть свою вверю // трепетной *волне*» («Китайская пейзажная...» 1984: 86).

В дальневосточной ментальности время связывается с *волнами*:

«Безжалостные месяцы и годы // Подобны убегающим *волнам*» («Верная Чхунхян» 1990: 73).

Волны выступают в качестве критериев оценки такого феномена, как внутренний, психический мир человека, его переживания, настроения, чувства:

«Правда, не будет у нас свадьбы с гусями, но разве душа моя, глубокая, как голубые *волны*, забудет о чувстве Чхун Хян?» («Верная Чхун Хян» 1960: 59).

В дальневосточных художественных произведениях *осенние волны* - образ женских глаз, чистых, как *осенняя волна в реке* или *море*. По мнению Н.И. Сукаленко, неподготовленному европейцу для расшифровки подобной символики необходим специальный комментарий, так как в русских национальных представлениях *волны* характеризуют прежде

всего разнообразное движение знаков, трав, колеблемых ветром, газообразных масс – дыма, тумана; передают впечатление о волосах, тканях, лежащих наподобие волн; о неожиданных и сильных проявлениях чувств и т. д. (см. об этом [Сукаленко 1992: 98; 2004: 463], но никак не соотносятся с глазами.

«А Чхун Хян подняла на мгновение глаза, чистые, как волны осенней реки, и взглянула на юношу» («Верная Чхун Хян» 1990: 31); «Юноша поднял глаза – осенние волны моря» («Ссянчхон кыйбон» 1962: 43).

Ораторский талант, умение вести беседу также отождествляется с волнами:

«Его красноречие было подобно морским волнам – внушительно и непреклонно; нельзя было не восхищаться им» (Ким Ман Чжун 1961: 155).

Итак, как показали исследования, символический образ воды многозначен. Вода – источник и символ жизни. Она является одной из самых мощных стихий-первоэлементов, которая лежит в основе философских систем Древнего Востока. Согласно дальневосточным представлениям эта стихия олицетворяет женское начало мира инь.

Вода как часть рельефа участвует в моделировании пространства, времени в пределах года, суток, отображении сезонных изменений природы. Вода – звуковой образ, а также ольфакторный знак.

Реки и горы – преграда на пути мирского шума. Этот мир может быть противопоставлен миру, охваченному суетой.

Вода имеет важное значение в разного рода ритуалах и обрядах.

«Водные» образы становятся критерием оценки индивидуальных качеств человека (река), символом величия, вечности и неизменности (река), высоких моральных качеств человека (дождь, снег, лед, иней), различных психологических состояний (поток, волны), социального поведения, места человека в обществе, его внешности (река, облака, тучи, роса, туман, осенние волны, снег, лед). Образы водной стихии также являются «термометром» для «измерения» накала чувств и страстей человека (море, океан), его эмоциональных состояний (иней, море), мерилем человеческих взаимоотношений.

Особая роль в культурах двух стран отводится облакам и некоторым другим природным явлениям: осадкам (дождь, снег, роса, иней) и испарениям (туман), а также формам движения воды (волны, поток).

С «водными образами» связаны многочисленные мифы, легенды, предания и поверья, образовано большое количество речений фразеологического характера, пословиц.

Как показал анализ, образы водной стихии в корейской и китайской ментальности имеют свою довольно специфическую символику, в которой отражены национальные представления двух дальневосточных народов о месте и роли стихии воды в окружающем их мире.

Л и т е р а т у р а

1. Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
2. Би Сяошен. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.
3. Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
4. *Влахос С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986.
5. Джарылгасинова Р.Ш. Слово о стране утренней свежести // Глазами этнографов. М.: Изд-во «Наука», 1982. С. 180-199.
6. Жизнеописание королевы Инхён // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1985.
7. *Ду Фу.* Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
8. *Жданова Л.В.* Поэтическое творчество Чхве Чхивона. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998.
9. Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1985.
10. История цветов. Корейская классическая проза. Перевод с ханмуна. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1999.
11. История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
12. *Ким Ман Чжун.* Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961.
13. *Ким Со Воль.* Лирика. М.: Первое Марта. 2003.
14. Китайская пейзажная лирика III- XIV вв. М.: Изд-во МГУ, 1984.
15. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
16. Книга Прозрений. // Сост. В.В. Малявин. М.: «Наталис», 1997.
17. *Концевич Л.Р.* Корееведение. Избранные работы. М.: ИД. «Муравей-Гайд», 2001.
18. Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1956.
19. Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
20. *Кравцова М.Е.* История культуры Китая. СПб.: Изд-во «Лань», 1999.
21. *Кравцова М.Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Изд-ва «Лань», «ТРИАДА», 2004.
22. *Кротов М.С.* Образы природы в китайской лирике // «Человек и природа в духовной культуре Востока» М.: ИВ РАН, «Крафт», 2004. С. 375-395.
23. *Ли Бо.* Нефритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
24. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
25. *Малявин В.В.* Сумерки Дао. М.: Издательство «Аст», 2003.
26. Мифологический словарь. // Гл.ред. Е.М. Мелетинский. М.: «Российская энциклопедия», «Лада-Маком», 1992.
27. Нефритовая роса. Из китайских сборников бици Х-ХIII веков. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000.
28. *Никитина М.И.* Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.) СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
29. *Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Гл. ред. Восточной литературы, 1982.
30. *Новикова Е.В.* Китайский сад – модель взаимоотношений Человека и Природы // Человек и природа в духовной культуре Востока. М.: Ив. РАН; Крафт, 2004. С. 396-417.

31. Облачная обитель. Поэзия эпохи Сун (V-XIII вв.). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000.
32. Песня над озером. Лирика средневековой Кореи. Перевод с корейск. М.: Наука, Гл. ред. восточ. литер., 1971.
33. Повесть о девице Ок // Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 2. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. С. 44-67.
34. Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 179-244.
35. Предание о золотом бубенчике, или повесть о том, что можно увидеть, но трудно объяснить // История о верности Чхун Хян. М., 1960, С. 548-604.
36. Предания гор Кымган. Пхеньян: Изд-во литер на иностр. яз. 1990.
37. *Лу Сун-лин*. Рассказы Ляо Чжая о чудесах. СПб.: Изд-во «Азбука», 1999.
38. Роза и Альый Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худож. литер., 1974.
39. *Самозванцев А.М.* Мифология Востока. М.: «Алетейа», 2000.
40. Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Изд-во «Правда», 1989.
41. *Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. Смоленск: «Русич», 2000.
42. Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547.
43. Сказание о Чхунян. М.: «Бонфи», 2003.
44. Скитания госпожи Са по югу // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 323-407.
45. Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худож. литер., 1982.
46. Сон Хён. Гроздь рассказов Ёнчжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. Вып. 5. С. 25-109.
47. Ссяньчхон кыйбонь (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
48. *Сукаленко Н.И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев: Наукова думка, 1992.
49. *Сукаленко Н.И.* Сокрытие смыслов культурных таксонов // Фразеология в контексте культуры. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 69-73.
50. *Сукаленко Н.И.* Сопоставление портретов человека в трех культурных ареалах: славянском, ближневосточном, дальневосточном // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 458-470.
51. *Тань Аошунан*. Китайская картина мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
52. *Трессидер Джек*. Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 2001.
53. *Троцевич А.Ф.* Миф и сюжетная проза Кореи. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996.
54. *У Цзин-цзы*. Неофициальная история конфуцианцев. М.: «ЭКМО», 2008.
55. *Черданцева Т.З.* Идиоматика и культура (Постановка вопроса) // ВЯ. 1996, № 1. С. 58-70.
56. Чистый поток. Поэзия эпохи Тан (VII-X вв.). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001.
57. Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х томах. 1998.
58. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. / Сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М.: Локид; Миф, 1999.
59. *Chevalier Jean, Gheerbrant Alain.* A Dictionary of Symbols. Cambridge: Blackwell Publishers, 1994.

**Запахи в различных языках и культурах.
Попытка сопоставительного анализа
(на материале корейских, японских и русских фразеологизмов)**

© кандидат филологических наук Пак Сон Гу (Республика Корея), 2009

Известно, что запахи играют огромную роль в межкультурной коммуникации: они могут быть как препятствием, так и благотворным фактором в общении. Когда человек оказывается в инокультурной среде или общается с представителями «иной» культуры, он не только обращает внимание на существование «чужих» запахов, которыми пропитана другая культура, но оценивает и осознает их в сопоставлении со своими родными и привычными.

Запахи выступают как часть семиотического поля чужой культуры. В любой культуре происходит означивание и символизация результатов восприятия окружающей действительности, информация о которой поступает к человеку по трем каналам: зрительному, слуховому и кинестетическому (через осязательные, обонятельные и другие ощущения). И человек использует эти каналы для обратной связи с окружающим его миром.

В данной статье мы остановимся на обонятельном компоненте создания образа в корейской, японской, русской культурах на материале фразеологизмов трёх языков.

В настоящее время усиливается интерес исследователей к изучению запахов в культурах разных народов и той роли, которую они играют в социокультурной жизни (см. [«Ароматы...» 2003]). Этот интерес обусловлен тем, что в изучении коммуникативных процессов это «самый древний канал дистантной связи» [Мечковская 2004: 108] был незаслуженно обойдён вниманием исследователей проблем межкультурной коммуникации. По мнению К. Леви-Строса, «запахи принадлежат к природному и социальному мирам одновременно» [Леви-Строс 2003: 163], поэтому знаки, связанные с запахами, имеют определенное значение в структурировании образа мира.

У каждой культуры существуют свои специфические запахи, которые являются доминантными для носителей этой культуры и выступают в качестве ее опознавательных знаков. Это связано как с географическими и природными условиями существования и развития культуры, так и с традициями, обрядами, обычаями разных народов. В картине мира каждой культуры отмечаются запахи природы (растений, живот-

ных, моря, гор, степей и т. д.), естественные и привнесенные запахи человека (парфюмерные ароматы, ритуальные умощения и др.), а также запахи традиционной кухни.

Так, например, «индийская гастрономия чрезвычайно тонко различает все разновидности и оттенки вкуса и запаха, что не покажется удивительным, если учесть ее длительный опыт использования ароматических трав и специй. Однако, хотя мы вправе утверждать, что индийская кухня ставит на первое место вкус и аромат еды, а китайская делает упор на текстуру, это вовсе не означает, что китайцы не считают аромат важнейшим качеством пищи, а индийцам безразлична ее текстура. Это просто вопрос приоритетов и способов восприятия и оценки различных качеств пищи, действующих на органы чувств <...>. Эти оценки и используемые нами критерии в значительной мере определяются культурой. Эскимосы, подобно многим народам Западной Европы, предпочитают мясо другим видам пищи, однако не всякое мясо они находят вкусным. Наибольшее эстетическое удовлетворение доставляет им подгнившее мясо, ставшее мягким и полужидким, с сильным запахом и резким вкусом. У эскимоса запах и вкус жареного свежего мяса может даже вызвать отвращение, а наша реакция на его пищу, конечно, окажется прямо противоположной. Обе эти реакции представляют собой результат длительного воздействия разных культур» [Розин, 1995: 327].

Следует заметить, что приятными запахами в корейской культуре считаются растительные запахи, запахи свежего утра, весны, некоторых блюд традиционной кухни, таких, как запахи кимчхи (корейской квашеной капусты), двенджаньттиге (супа из бобовой пасты) и др. В японской культуре обонятельные приверженности отражены в пословице: *ниоимацйтхакэ, аджисимэджи* (букв. 'самый хороший запах гриба-боровика, а самый вкусный – гриба аджисимэджи'), которая может быть осмыслена как в прямом, так и переносном смысле.

В качестве неприятных, как, наверно, в большинстве культур, будут рассматриваться запахи продуктов выделения, невымытых волос и др.

Способы обозначения запахов в корейской и японской культурах по сравнению с русской не отличаются большим разнообразием: «соответствующая терминология в русском языке, как, впрочем, и в других, достаточно бедна» [Кабакова 2003: 50]. И в том и в другом языке все, что связано с ароматом и запахом, обозначается:

- глаголами: корейск. *нада* (букв. 'появляться') в устойчивых словосочетаниях: *нэмсэга нада* (букв. 'появляется запах'), *нэмсэрыль матда* (букв. 'нюхать запах'), *нэмсэ пхиуда* (букв. 'производить запах'), *ссокын нэмсэ нада* (букв. 'появляется гнилой запах'), *напын нэмсэ нада* (букв. 'плохой запах появляется'), *акчхига нада* (букв. 'появляется вонь'), би-

риннэга нада (букв. 'появляется запах сырой рыбы'); яп. *гагы* (букв. 'нюхать'), *сыры* (букв. 'появляться (о запахе)'), *дасы* (букв. 'издавать'), *ганджиры* (букв. 'чувствовать (запах)'), *кысаи* (букв. 'пахнуть'); в словосочетаниях: *ниоигасыры* (букв. 'появляется запах'), *ниоогагы* (букв. 'нюхать запах'), *ниоодасы* (букв. 'производить запах'), *кыссагданиоигасыры* (букв. 'появляется гнилой запах'), *оарыниоигасыры* (букв. 'появляется плохой запах'), *агкыцугасыры* (букв. 'появляется вонь'), *намагысаи-ниоигасыры* (букв. 'появляется запах сырой рыбы'); русск. *пахнуть*, *нюхать*, *нести*, *разить*, *смердеть*, *повеять*, *потянуть*, *благоухать*;

- прилагательными: корейск. *хянгирун (нэмсэ)* (букв. 'ароматный (запах)'), *джохын (нэмсэ)* (букв. 'хороший (запах)'), *цинсонхан (нэмсэ)* (букв. 'свежий (запах)'), *согын (нэмсэ)* (букв. 'тухлый (запах)'), *гусухан (нэмсэ)* (букв. '(запах) жареного кунжутного семени'), *гуриннэ* (букв. 'запах фекалий'); яп. *иниоига* (букв. 'хороший запах'), *синсеннаниоига* (букв. 'свежий запах'), *гообасиниоига* (букв. 'запах жареного кунжутного семени'), *кысонониои* (букв. 'запах фекалий'); русск. *вонючий*, *зловонный*, *смадный*, *ароматный*, *благоуханный*, *благовонный*, *душистый*;

- существительными: корейск. *хянь* (букв. 'аромат'), *нэмсэ* (букв. 'запах'), *акчхи* (букв. 'вонь'); яп. *ниои* (букв. 'запах'), *акицу* (букв. 'вонь'); русск. *аромат*, *благоухание*, *благовоние*, *вонь*, *зловоние*, *смад*, *дух* (прост.), *душок* (разг.), *запашок* (разг.).

Фразеологические единицы не только выражают отношение той или другой культуры к запахам, но и через них характеризуют личность человека, его поведение и поступки, возраст и состояние здоровья. Так, например, о неопытном, молодом человеке русский скажет: *этот человек не нюхал пороху*, для корейца подобная характеристика человека не будет ассоциироваться с запахом: *мориэ пхидо марыджи анта* (букв. 'на голове кровь еще не высохла').

Русский подчеркивает молодость собеседника словами: *у тебя еще молоко на губах не обсохло*, кореец выражает то же самое через запахи: *джотбириннэ нада* (букв. 'появляется запах сырого молока').

Обозначение старости, старческого возраста в русском языке может происходить не через запах непосредственно, но через действия, которые ведут к возникновению неприятного запаха: *старый пердун* (груб.), либо через перенос значения: *старый козёл* (груб.) (известно, что козёл имеет неприятный, резкий запах).

В корейской культуре истонно существовало уважение к людям старшего поколения, поэтому подобные выражения отсутствуют. В корейском языке старость с ольфакторной точки зрения может обозначаться следующим способом: *ноинэ* (букв. 'запах пожилых людей').

В качестве бранных слов в адрес человека с дурным характером русский употребит словосочетания *козёл вонючий* (груб.), *пес смердящий* (груб.) (вспомним слова царя из известной кинокомедии «Иван Васильевич меняет профессию»), кореец же скажет: *гетонъ гатхын ном* (букв. ‘мужик, как собачье дерьмо’). О человеке с плохим характером и своим нежелании с ним общаться в русском языке есть выражение: *не трогай его, а то завоняет*, в корейском – *тонъыль мусоуосо пхиханя нэмсэнасо пхихаджи* (букв. ‘обходишь дерьмо не потому, что его боишься, боишься запаха, которое оно издаёт’).

В русском и корейском языках есть фразеологизмы, которые через обонятельные знаки указывают на тяжелую, смертельную болезнь человека, на закат его жизни: русск. *он на ладан дышит; еле (чуть) дышит*; корейск. *джугымы нэмсэга нада* (букв. ‘(от него) появляется запах смерти’), *сумыль хольтогида* (букв. ‘еле-еле дышит’) – «скоро умереть»; *ттан нэмсэга гохухада* (букв. ‘запах земли приятен’) – «скоро умереть»; *сумыкыноджида* (букв. ‘прерывается дыхание’) – «умирать»; преклонный возраст человека: русск. *от него уже пахнет нафталином*; на состояние опьянения: русск. *от него разит (несет) водкой, перегаром*; корейск. *сульнэмсэга беоитта* (букв. ‘пропитан алкогольным запахом’); яп. *сакэнибореттэиры* (букв. ‘тонуть в сакэ’).

Различные жизненные и социальные ситуации по-разному представлены в трёх языках. Например, угроза начала войны: русск. *пахнет порохом*; яп. *гайкнониоигасыры* (букв. ‘чувствуется запах пороха’); корейск. *джондженъы нэмсэга нанда* (букв. ‘появляется запах войны’); в фразеологическом синониме образ связан со зрительным компонентом: *джондженъы джиджога боинда* (букв. ‘предпосылки войны виднеются’).

Говоря о невозможности осуществления какого-либо действия, русский скажет: *дело пахнет керосином*. Для корейца подобная ситуация не будет ассоциироваться с обонянием: *хэга соцокэсо тыль года* (букв. ‘солнце взойдёт с запада’).

При опасности русский произнесёт: *пахнет жареным*, в корейском языке нет и намёка на запахи: *ильчхукчыкпаль* (букв. ‘если тронешь, то взорвётся’).

Человек, вызывающий подозрение, на Дальнем Востоке издаёт определенный запах: корейск. *гуриннега нанда* (букв. ‘появляется запах фекалий’); яп. *кысонониоикысаи* (букв. ‘от него идёт тухлый запах’).

Русское выражение *деньги не пахнут* употребляется в ситуации, когда для предприимчивого человека не имеет значение, что деньги получены неблагоприятным путем. В корейском стереотипном мышлении эта

ситуация не будет отождествляться с ольфакторным компонентом: *донэ ирым сыёиня?* (букв. 'на деньгах написано имя?').

Корейский фразеологизм *дон нэмсэрыль матта* (букв. 'чувствует запах денег') употребляется в качестве характеристики человека, который умеет зарабатывать деньги.

С обонятельным компонентом восприятия действительности также соотносится и обозначение отношения к людям в двух культурах.

Так, в русском языке отношение к человеку выражается через название запахов или обозначение обонятельных каналов восприятия информации. Например: *не надыхаться на кого-л.* 'любить кого-л.', о ненавистном человеке: *на дух не переносить* 'не любить', даже 'ненавидеть кого-л.'.

У корейца в свою очередь в присутствии любимой женщины останавливается дыхание – *гынё ёпхэсонын сумимоннында* (букв. 'рядом с ней останавливается дыхание'). В нелюбимом человеке: он (букв. 'ненавидит даже запах его тела') *гыэ чхэчхидо сильда*. В японском языке для выражения ненависти используется мифологема нос: *хананицыкхы* (букв. 'к носу приклеиться').

В русской культуре обонятельный компонент задействован и при обозначении присутствия или отсутствия какого-либо объекта. Русский говорит: *тут этим и не пахнет*. В корейском языке те же отношения выражаются не через ольфакторные, а через визуальные знаки: *гимидо ан боинда* (букв. 'даже знака не видно').

Обладание какой-либо информацией или её поиск в трёх языках выражается следующим образом: корейск. *нэмсэрыль матта* (букв. 'унюхать запах'), яп. – *ниоюогагы* (букв. 'унюхать запах'); русск. *унюхать, вынюхивать*.

Русский о пропавшем из поля зрения человеке скажет: *от него ни слуху ни духу, нет и в помине, и след простыл*. В корейском языке отмечено два варианта: один ассоциируется с запахом *джачхидо обици сараджида* (букв. 'исчез, даже не оставив своего запаха'), другой – с памятью *киокдо обта* (букв. 'о нем не осталось памяти'); в японском языке – со зрительными образами: *гагэмогатачхимонаи* (букв. 'нет ни тени, ни образа').

Желание человека, связанное с исчезновением кого-либо из его жизни или из данной ситуации, русский выразит так: *чтобы духу твоего здесь не было*, поставив акцент на «неприятном» запахе собеседника. Кореец скажет: *хынджогдо обици палли гара (сараджёра)* (букв. 'уйди, не оставляя следа').

В русском языке наличие или отсутствие интуиции обозначается через обонятельные ощущения: *чують носом, нюх потерял*, в корейском

языке потеря интуиции – *гамгагылъ ильборида* (букв. ‘потерять нюх животного’).

В языках ольфакторный компонент представлен не только через название и характеристику запахов, предметов, обладающих запахами и ароматами, а также действий, порождающих запахи, но и через указание на орган обоняния – *нос*. В трёх культурах *нос* является важной мифологемой.

В корейском и японском языках мифологема *нос* символизирует наличие или потерю авторитета, репутации человека в обществе, а также обозначает человека, который считает себя выше, значительнее других: корейск. *кхога напчакхэджида* (букв. ‘нос становится приплюснутым’) – «упасть (об авторитете)», *кхога нопта* (букв. ‘нос высокий’) – «заснаваться, чваниться», *кхога сэуда* (‘задирать нос’) – «заснаваться, важничать, чваниться»; японск. *ханагадакаи* (букв. ‘нос высокий’) – «задирать нос», *ханаикигаарай* (букв. ‘воздух из носа сильный’) – «высокомерно вести себя», *хананигакэры* (букв. ‘повесить что-л. в нос’) – «вообразить, задаваться».

В русском языке также существует фразеологизм для выражения этого значения: *задирать нос* ‘заснаваться’.

Нос как на Дальнем Востоке, так и в России служит мерилем расстояний, входит в состав выражений, обозначающих близкое расстояние до кого- или чего-либо: корейск. *кхо апхэ* (букв. ‘перед носом’) – «близко, рядом, недалеко, в ближайшее время»; русск. *под носом* ‘рядом с кем-либо’, *на носу* ‘очень скоро’.

В трёх языках *с носом* связывается и проявление неудовольствия, презрения: русск. *нос воротить* ‘относиться с презрением’, корейск. *кхопангвирьль квида* (букв. ‘фыркать носом’) – «выражать неудовольствие, пренебрежение, отказываться, упираться»; яп. *ханадэасирай* (букв. ‘носом покажет’) – «выражать неудовольствие или пренебрежение, отказываться».

Одинаковые образы возникнут у представителей двух народов при демонстрации уныния: корейск. *кходэрыль натчхуда* (букв. ‘снижать носовой хребет’) – «сникнуть», русск. *вешать нос* ‘приходить в уныние’.

Обман в русском и корейском языках также будет отождествляться с мифологемой *нос*: русск. *водить за нос*, *натянуть нос*, *оставить с носом*; корейск. *нун кхорыль бэда* (букв. ‘отрезать нос и выколоть глаза’).

Малое количество чего-либо ассоциируется у русского с лексическим компонентом *нос* – *короче воробьиного носа* ‘очень мал, короток’, *с гулькин нос* ‘очень мало’, кореец же свяжет это с орнитологическим

образом – *сэбальэ пхи* ('кровь на лапке у птицы'), *бёнъари нунмульманкхым* (букв. 'словно слезинки цыплёнка').

Запах соотносится с чувственным опытом человека. Трудно вербально выразить запах. Если человек никогда сам не чувствовал запах чего-либо, по описанию он не сможет его идентифицировать. *Легавые* – название сыщиков в русском языке. Это метафоризация способности сыщиков найти след преступника «по нюху», как собака. Вспомним песенку из мультипликационного фильма «Бременские музыканты»: «Нюх, как у собаки, глаз, как у орла».

В корейском и японском языках существуют схожие фразеологизмы: корейск. *кекхорыль гатта* (букв. 'имеет собачий нос'), а в яп.: *иныноёни-ханагакикы* (букв. 'хороший нос, нос, как у собаки').

У корейцев и русских фигурируют одинаковые образы при определении ограниченности человека: в русском языке *не видеть дальше своего носа*, в корейском языке *кхо афэмман бода* (букв. 'видеть перед носом') – «быть ограниченным, не замечать общего за частным»; *кхо афэмман бода* (букв. 'видеть перед носом').

У двух народов зарегистрированы фразеологизмы с компонентом *нос* и со значением: 'выйти, показаться' – корейск. *джамкан кхоман нэмильда* (букв. 'немножко высунуть нос'), русск. *высунуть нос*.

В русском языке имеется большое количество фразеологических единиц с лексическим компонентом *нос*, тогда как в корейских аналогах отмечены другие образы, например: русск. *держат нос по ветру* 'примеряться к обстоятельствам' и корейск. *ганэ бутхотта сыльгез бутотта хада* (букв. 'прилипает то к печени, то к желчному пузырю') – «беспринципно меня свои убеждения»; русск. *совать нос* 'вмешиваться во что-либо, обычно не в свои дела' и корейск. *намы джанчиэ гам нохара бэ нохара ханда* (букв. 'на чужом пиру подскажет, где стоит хурма и груша').

В японском языке существуют следующие фразеологические единицы с компонентом *нос*: *ханамочхинаранан* (букв. 'не может поднять нос') – «не хочет простить кого-либо», *ханаоакас* (букв. 'нос освещает') – «победил и расстроил кого-либо», *ханаооры* (букв. 'слопать носовой хребет') – «победил и расстроил кого-либо».

С *носом* непосредственно связан феномен дыхания. Как в корейском, японском, так и русском языках есть определенное количество устойчивых словосочетаний с лексемами *дыхание/дышать*. Во многих дальневосточных культурах дыхание считалось священным. Оно начинается с рождением и обрывается со смертью. Полагали, что дыхание и есть душа. При выдохе она выходит наружу, чтобы общаться с миром, и возвращается при вдохе. Запах же – это дыхание растений, душа приро-

ды, знак незримого присутствия божества на земле (см. [Жирицкая 2004, Т.2.: 485]).

Русский человек во время короткого отдыха *переведёт дух* (*дыхание*), Японец в короткий перерыв скажет: *икиочыкхы* (букв. 'делать вдох') – «немного отдохнуть».

В Корее, Японии и России для обозначения задержки дыхания используют следующие фразеологизмы: корейск. *сумыль джугида* (букв. 'убить дыхание'); *икиогоросы* (букв. 'убить дыхание') – «затаить дыхание» и русск. *затаить дыхание*.

Русские люди, если хотят подчеркнуть, что живут какими-либо интересами, находятся в каком-либо окружении, употребят фразеологическую единицу *дышать воздухом* (*каким или чего*), а корейцы – *когида мурыль маннада* (букв. 'рыба встречает воду').

Для выражения чувства облегчения, которое испытывает человек, освободившись от забот и тревог русский использует фразеологизм *вздохнуть* (*дышать*) *свободно*, корейцы же в свою очередь – *хансум дольлида* (букв. 'перевести одно дыхание').

Русская фразеологическая единица со значением огромного количества: *дыхнуть негде* (или *нельзя*) имеет соответствие в корейском языке – *инсанинхэ* (букв. 'людей, как гор и морей').

В ситуации, если русский очень занят, перегружен работой, он произнесет: *дыхнуть некогда*, а кореец – *сум щиль тхымдо обта* (букв. 'даже нет перерыва, чтобы вздохнуть').

Если русский испытывает страх, то *не смеет дыхнуть*, у корейца – *суми мотда* (букв. 'дыхание прерывается') и *сумдо кыгэ мот щинда* (букв. 'даже не может громко дышать') – «испуганно молчит», японец – *кхогимыль салпхида* (букв. 'рассматривает воздух из ноздрей') – «боится посмотреть в глаза».

В корейском и японском языках существуют фразеологические единицы со значением 'тяжело вздохнуть': корейск. *хансумыль щида* (букв. 'сделать один вдох'), яп. *икиоирэры* (букв. 'нагнетать дыхание').

В русском языке фразеологизмы с лексическим компонентом *дыхание* могут иметь значения: 'до самой смерти, до конца жизни', как во фразеологизме *до последнего дыхания*, или 'прилив энергии, бодрости в состоянии усталости' в фразеологической единице *второе дыхание*, 'в один прием, присест' в фразеологической единице *не переводя дыхания* (*выпить, осушить и т. п.*).

В японском языке существует много пословиц, так или иначе связанных с ольфакторным компонентом. Например, японская пословица: *хэнонаитокорониноиоиадатханаи* (букв. 'где нет запаха газов, там нет и запаха') имеет значение 'нет дыма без огня'.

Неординарность человека, его превосходство над другими также выражается через запах: *сенданоахутхабаёриганбаси* (букв. 'китайский можжевельник ароматен листьями') – «великий человек отличается от других с детства».

'Находиться под влиянием более сильной личности' в японском языке выглядит так: *икигагакару* (букв. 'дыхание остаётся на улице').

О работоспособном человеке японец скажет: *икигазызыкхы* (букв. 'дыхание продолжается') – «долго может делать своё дело».

Запахи могут выступать и как социальные знаки. Ольфакторное обозначение и символизацию социального статуса человека мы встречаем в двух культурах, корейской и русской: существуют запахи богатства и бедности, города и деревни, профессиональные, половозрастные и т. д.

И в корейской, и в русской культуре по запаху различают социальный верх и низ. Запах дорогих сигар или сигарет, вина, смешанный с дорогими духами, в обеих культурах является символом благосостояния человека. Запах социальных низов связан с запахами мочи, фекалий, пота, нечистой одежды.

Запахи в корейском языке характеризуют профессиональную деятельность человека. Это нашло отражение в языке: *тамнэмсэ* 'запах пота' – о работника физического труда; *гырым нэмсэ* 'запах бензина' – о рабочих, *пхинэмсэ* 'запах крови' – о киллерах, *ттаннэмсэ* 'запах земли' – о крестьянах, *баданэмсэ* 'запах моря' – о рыбаках и т. д.

Запах ассоциируется с национальностью. Так, корейский фразеологизм *янкинэмсэ* (букв. 'запах янки') олицетворяет любого западного человека; *маныль нэмсэ* (букв. 'запах чеснока') – характеристика корейца.

Запах является знаком пола и возраста. Так, в корейской культуре младенец и молодой человек пахнут приятно: *джот нэмсэга нада* (букв. 'запах грудного молока идет'), *джольмынины хянгига нада* (букв. 'появляется аромат молодого человека').

Как и в других культурах, в Корее запах женщины, безусловно, приятен и притягателен и определяется основами сексуальной культуры. В корейском языке это отражено следующим образом: *ёджа нэмсэ* (букв. 'запах женщины') – «человек с мягким характером».

Надо отметить, что традиционная русская культура предпочитала «естественные» женские ароматы. Запах духов символизировал социальное положение женщины: дорогие и тонкие ароматы сопровождали состоятельную и знатную женщину.

Представители стран Дальнего Востока всегда были тонкими ценителями ароматов. В Японии ароматические вещества никогда не наносили на кожу. Благовония, которыми они пользовались, были легки и едва ощутимы. Это был тонкий и сложный запах, в котором невозможно

было распознать аромат конкретного цветка. Безусловно, современные японские дизайнеры в своих духах испытывают влияние национальных традиций.

Определенные запахи, по мнению корейцев, характеризуют семейное положение. Это отмечено в корейском языке: фразеологизмы *хольаби нэмсэ* (букв. 'запах вдовца'); *чонгак нэмсэ* (букв. 'запах холостяка').

Итак, как показал анализ, запахи играют немаловажную роль в жизни трёх народов. Каждая культура имеет свои специфические запахи, которые являются доминантными для носителей той или иной культуры. Запахи становятся опознавательными знаками культуры.

Способы обозначения запахов в корейской и японской культурах по сравнению с русской не отличаются большим разнообразием.

Фразеологические единицы трёх языков не только выражают отношение той или другой культуры к запахам, но и через запахи характеризуют личность человека, его поведение и поступки, возраст, половую принадлежность, состояние здоровья, социальное положение и т. д.

Важную роль в трёх языках играет мифологема *нос* и феномен *дыхание*, с ними образовано большое количество фразеологизмов и пословиц.

Л и т е р а т у р а

1. Ароматы и запахи в культуре. Кн. 1 и 2. М.: НЛЮ, 2003.
2. *Жирицкая Е.* Ветер с Востока // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1. М.: НЛЮ, 2003. С. 482-502.
3. *Кабачкова Г.* Запахи в русской традиционной культуре // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 1 и 2. М.: НЛЮ, 2003.
4. *Леви-Строс К.* Путь масок. Пер. с фр. А.Б. Островского. М.: Изд-во «Республика», 2000.
5. *Мечковская Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Изд-во «Академия», 2004.
6. *Розин Э.* Эстетика и кухня: разум возвышает материю // Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики. М.: «Мир», 1995.
7. *Монтень М.* О запахах // Монтень М. Опыт: В 2 т. Т.1. Кн. 1,2. М.: «Голос», 1996.

СЛОВАРИ

Русские:

1. *Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н., Черкасова И.Н.* Словарь разных выражений русского языка. / Отв.ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995.
2. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996.

3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв.ред. В.Н. Телия. М.: Аст-Пресс Книга, 2006.
4. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь русского языка. Л.: Просвещение, 1984.
5. Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1980.
6. Зимин В.И. Краткий фразеологический словарь. М.: УДН, 1963.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
8. Словарь русского языка. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984. Т.1-4.
9. Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XX вв. / Под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. В 2-х томах.
11. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М.: Русский язык, 1985.

Корейские:

1. Дон Оан, Ким Хак Су. Русско-корейский словарь. Сеул: Джурючюльпханса. 1987. – 1747 с.
2. Пак Ёнь Джун, Чои Гёнъ. Фразеологический словарь. Сеул: Тхэхакса. 1966. – 443с.
3. Син Джин Сок. Гыгильджонхабилюбоно. Сеул: Гонбубанъ. 1993. – 191 с.
4. Син Ги Чоль, Син Ёнь Чоль. Сэулималь Онсаджон. Сеул: Самсонъчюльпханса. 1983
5. Игимун. Согдамсаджон. Сеул : Ильджогак. 1997. – 744с.
6. И Хый Сынъ. Гукодэсаджон. Сеул : Минджунъсорим. 1993. – 4482 с.
7. Большой корейско-русский словарь. М.: Русский язык. 1976. 2-х томах Т.
8. Корейско-русский словарь. М. 1994. – 891 с.
9. Чой Гёнъ Нам, Сонъ Чон Сик. Джосонмаль Сонъгусаджон. Сеул: Хангукмунхоаса. 1993. – 599 с.

Японские:

1. Годжиен. Синмурайдэн. Токхо: Иоанамищотен. 1998.
2. Ясдаёсими, Соннакбом. Ётсенсыильхансаджон, ханильсаджон. Сеул: Минджунъсорим. 1988.
3. Минджунъильхан ханильсаджон. Токхо: Сасюся. 2000.
4. Синмэикаикхокхугоджитен. Ямадададао. Токхо: саннидо. 2005.

**Социолингвистические аспекты перевода:
англо-русские переводческие сопоставления
социологем – фразовых номинативных комплексов,
обозначающих социально-экономические институты
и социально-статусные реалии**

© кандидат филологических наук С.В. Власенко, 2009

Социальный статус людей, проживающих в определенном социуме в условиях определенной эпохи, – объект исследований многих отечественных и зарубежных лингвистов и культурологов (см., например: [Карасик 2002]), неоднократно отмечавших, что тексту свойственна *социальная прикрепленность* (термин академика Д.С. Лихачева [Лихачев 2006: 314]). Представляется возможным утверждать, что названия профессий и должностей отражают форму социальной реализации человека, которая лингвистически фиксируется *семантически осложненными* единицами (термин А.В. Кунина [Кунин 1984: 7]). Данная форма лингвистической фиксации статусной роли человека, реализованной им в жизни, коррелирует со многими социолингвистическими [Швейцер 1990: 481-482] и психолингвистическими параметрами, в частности с общей и профессиональной картиной мира, интеллектом и языковым сознанием [Леонтьев 2003: 2008].

В целях настоящей статьи приведем мнение известного отечественного ученого-психолингвиста А.А. Леонтьева, касающееся социального знания. В частности, на мнение об источниках интеллектуальной активности, среди которых ученый отдавал приоритет социальному знанию. Он утверждал, что «социальная память или социальный опыт социальной группы, этноса или всего человеческого рода, принятый и интериоризованный каждой отдельной личностью», включен в мыслительную активность человека наряду с «деятельностью личности в окружающем мире, в реальности материальных и идеальных предметов» [Леонтьев 2003: 369].

В этой связи знаменательны и другие слова А.А. Леонтьева о том, что «независимо от того или иного ситуативного использования общения, оно представляет собой не процесс установления контакта между личностями, психологическими “монадами”, а способ внутренней организации и внутренней эволюции общества» [Леонтьев 2008: 25]. Иллюстрацией служит фразовые конструкции типа действующего названия

государственной системы железнодорожного сообщения в США «*Amtrak* → *National Railroad Passenger Corporation* → Национальная корпорация железнодорожных пассажирских перевозок» или ставшее архаизмом советское название социального института «Президиум ЦК КПСС → Президиум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза → *the USSR Communist Party's Central Committee* и др.

Предлагая понятие *социологемы*, мы исходим из природы номинации и практики употребления наименований социально-экономических институтов и внутриведомственных должностей, масштабно представленной в литературе и документообороте профессиональной сферы коммуникации. При этом сохраняется преемственность положений российской фразеологии [Апресян 2009; Кунин 1984; Телия 1996], с одной стороны, и положений социолингвистики и теории перевода – с другой [Швейцер 1976, 1983, 1988, 1990; Карасик 2002; Svejcer 1986; Svejcer, Nikol'skij 1986]. Под *социологемами* полагаем возможным понимать номинативные фразовые комплексы, являющиеся сложными знаками лексико-синтаксического кода, предназначенными для обозначения существующих ныне или существовавших в прошлом социально-экономических институтов с соответствующими структурными иерархиями внутриведомственных должностей, например:

- **Председатель Комитета по экономическому развитию и поддержке предпринимательства Общественной палаты;**
- **кавалеры женского ордена Русской православной церкви преподобной Евфросинии Московской¹;**
- **Высокопреосвященнейший митрополит, первоиерарх РПЦ² митрополит Илларион;**
- **доктор исторических наук, заведующий сектором Афганистана Института востоковедения РАН и т. д. и т. п. [Власенко 2009б].**

Лексема *социологема* образована от морфемы с латинской основой *sociālis*, означающей *общественный*, и по аналогии со сложносоставными словами типа *биолог*, *орнитолог*, *зоолог*, *дерматолог*, *кардиолог* и др., в какой-либо области деятельности или научной дисциплиной, указанной в первой части слова [ТСИС 2000: 656]. По нашему мнению, *социологемы* порождены когнитивным и языковым сознанием носителей конкретного языка и фиксируют социально-значимые статусные реалии в определенной стране и в определенное историческое

¹ Источник: <http://www.expert.ru/articles/2007/12/12/medvedica/4/>

² РПЦЗ – от Русской Православной Церкви Заграницей. Источник: (<http://www.fap.ru/index.php?nt=news&id=13028>)

время. С точки зрения психолингвистики межъязыкового перевода важно подчеркнуть, что социологемы кодируют современные или исторически далекие референтные пространства многослойной структуры, компоненты которой последовательно «завернуты» один в другой. Это в полной мере органично значению корневой морфемы *социо-* в составных лексемах, обозначающих явления и (или) реалии, относящиеся к обществу в целом, к отдельным сферам общественной жизни или взаимоотношениям людей, так или иначе подчиняющимся некоторой иерархически упорядоченной организации.

Социологемы являются коммуникативно емкими знаками-обозначениями некоторых «отгороженных» пространств: национально-культурного, исторического, религиозного, ведомственного, организационно-правового, корпоративного и др., рассматриваемого в синхронной или диахронной перспективах. В силу их объемной семантики механизмы их восприятия и понимания следует исследовать не только в лингвистических терминах, но и в терминах теории коммуникации, когнитивной психологии, психолингвистики, герменевтики, истории, этнографии и географии. Даже имея несложную языковую форму, социологемы, тем не менее, не гарантируют простого нахождения переводческого решения или предсказуемого переводческого выбора [Власенко 2006б]: *Государственный ордена Ленина Исторический музей* → *Historical Museum, Moscow*. Подчеркнутые компоненты социологемы либо нерелевантны для принимающего – английского – языка и опущены, либо релевантны и потому добавлены для «включения» внимания целевой аудитории. Аналогичный пример: *Государственный Эрмитаж* → *The Hermitage*³.

Приведем еще один пример: *Essex Police Serious Organised Crime Directorate, UK Interior* → (а) *Управление по противодействию организованной преступности Департамента полиции графства Эссекс Министрства внутренних дел Великобритании*⁴ или (б) *Отдел по борьбе с организованной преступностью Полицейского управления Эссекса при британском МВД* т. п. Данный пример показателен в части большого перечня вопросов, связанных с правилами, или порядком, означивания.

---

³ Очевидно, что «негосударственного» Эрмитажа в России не существует. Представленные частные коллекции всегда маркируются как таковые практически во всех музеях мира (см. авторитетные источники по музееведению и искусствоведению, см., например: [Byzantium 2004]).

⁴ Здесь и далее по тексту англо-русские двязычные варианты и предлагаемые значения терминологических монолексем и полилексем приводятся в авторской редакции на основе англо-русских отраслевых словарей [АРФС 2005; БАРФЭС 2000; БАРЮС 2003] и электронного лексикографического ресурса [АВВУ 2006].

Алгоритм развертки англоязычной социологемы звучит как «*управление... департамента... графства... министерства... страны*», т. е. на русскоязычный лад, в инвертированном (перевернутом) порядке по сравнению с исходным. Многочисленны возможности представления лексемы *Directorate*. Безусловно, существуют варианты «проглатывания» определенных звеньев многослойной развертки, например «... *Директорат... департамента полиции Эссекса...*», так же как в случаях «... *управление социального обеспечения Айовы*» или «... *управление... штата Айовы*».

Одним из первых на это обстоятельство указал известный российский переводовед и социолингвист А.Д. Швейцер [Швейцер 1988: С. 15–21; 1990], а также В.П. Конецкая [Конецкая 1980: 463–466]. Так, в частности, А.Д. Швейцер отмечал, что самое прямое отношение к переводу имеет социолингвистическая проблематика «язык и социальная структура», «язык и социология личности», что обуславливает приоритетное изучение переводческого процесса как социально детерминированной коммуникации и переводческого результата (текста) как отражения социального мира [Швейцер 1988: 15]. Вслед за отечественным классиком мы рассматриваем социологемы как отдельные структурные построения, референтные социальной реальности, представленной в названиях функционирующих социальных институтов, социальных форм взаимодействия людей, прецедентов социальных явлений. Это и есть составляющие фона протекания любых коммуникативных процессов. Приведем несколько примеров⁵ (перевод наш. – С.В.В.), в которых подчеркнутые англо-русские соответствия одинаковые лексемы в исходном языке и в языке перевода имеют разные языковые реализации:

- англо-русские соответствия: *fellow subsidiary* → дочерняя фирма; *Fellow of the Royal Society* → член Королевского научного общества; *London College of Physicians fellowship* → научный сотрудник Лондонского медицинского колледжа;
- русско-английские соответствия: *Председатель Комитета по экономическому развитию и поддержке предпринимательства Общественной палаты* → *Social Chamber's Economic Development & Entrepreneurial Support Committee Chairperson*; *председатель заседания Совета ветеранов Центрального округа города Воронежа* → *Voronezh City Central Regional Council of Veterans' meeting moderator* и др.

---

⁵ Здесь и далее по тексту перевод наш. – С.В.В.

С точки зрения структурной организации социологема требуют специальных тактических приемов достижения эквивалентных или сопоставимых англо-русских соответствий. При этом готового выбора соответствий не существует: речь идет о выработке, или создании, индивидуальных переводческих трактовок, индивидуализации понимания и представления переводчиком фрагментов социального пространства и статусно-ролевых или функционально-позиционных определений, локализирующих коммуникантов, например, *Севастопольский центр услуг связи Открытого акционерного общества «Московская городская телефонная сеть»*. Подобные социологема при всей прозрачности синтагматических звеньев, вполне можно рассматривать как лакунизированные номинативные цепи [Власенко 1996: 22]. Так, социологема *оператор при дежурном стационарном поста централизации Службы движения Московского метрополитена* содержит семь линейно рядоположенных существительных. Такая номинативная цепь при восприятии не может не вызывать эффект коммуникативного напряжения из-за многочисленности членов (о трудности восприятия подобных номинативных образований и частной непрозрачности их смысла подробнее см. [Власенко 2006б; 2007]).

Рассмотрим еще один пример: *ГУ ДИТХ Нижегородской области → Главное управление дорожного и транспортного хозяйства Нижегородской области*. С точки зрения перевода на английский, порождает трудности не только нетождественность национально-специфических единиц административно-территориального деления (отсутствие областей в англоязычных странах), но порядок инкорпорированности смыслонесущих лексем: «управление... хозяйства... области», который не отвечает стилю «упаковки» аналогичных (или подобных) институтов англоговорящих стран. Укажем на степень институционального подобия как макроконтекстную составляющую переводческого решения, которая приобретает особенно большое значение в перекодировании.

Мы предлагаем относить к *социологемам* любые лексемы и их комбинации, описывающие индивидуальный статус человека или организации и позволяющий идентифицировать этого человека или организацию в социальном пространстве. Вследствие этого, какой-либо определенный класс социологем может оказаться чрезвычайно дробным и включать подклассы, указывающие на любые значимые для социума опознавательные или идентифицирующие признаки, свойства, качества людей и институтов, как например: *a resident alien individual* (*мигрант.; эконом. стат.*) → *иностранец, проживающий в стране и имеющий статус*

физического лица; физическое лицо, являющееся иностранцем и постоянно проживающее в данной стране.

Перевод *социологем*, отличающийся большой степенью ситуационной обусловленности в условиях объективной ограниченностью прагматических знаний переводчика, следует рассматриваться как интерпретационный процесс [Власенко 2006а: 40-43]. Подобный процесс – не что иное, как проведение переводчиком экспертной оценки на основе ряда параметров (об этом см. ниже). Практика употребления русскоязычных *социологем* представляет серьезные проблемы в переводе вследствие ряда особых обстоятельств, среди них частые случаи редуPLICATION, тавтологии и плеоназма (подчеркнуты в примерах), например⁶:

- *Руководитель Федеральных архивов Государственного Архива РФ;*
- *Старший помощник Следственного управления Следственного комитета при Генпрокуратуре РФ;*
- *Начальник Отдела по защите прав государства Федерального агентства управления федеральным имуществом Российской Федерации;*
- *Заведующая отделом народного костюма Дома народного творчества г. Муром* и др.

Вполне справедливо указать на наличие отмеченных характеристик и для англоязычных лексем. Показателен англоязычный пример японской социологемы: *Japan's federations of agricultural cooperative associations and federations of mutual benefits associations for fisheries industries*. В переводе очевидной «схемой» понимания социологем подобного рода, вероятно, явится поэтапная «распаковка» как часть «разворачивания» социально-экономического фона, единицей репрезентации которого является приведенная социологема.

В особенности непростой проблема понимания социологем и перевода оказывается в сфере предпринимательства. Приведем лишь несколько примеров соответствий, иллюстрирующих дистантные (контрастные) культурно-языковые формы их представления в английском и русском языках:

- *regional CEO for Asia of Alliance Insurance Management Asia-Pacific* → *исполнительный директор по Азиатскому региону Азиатско-Тихоокеанского отделения компании «Эллайенс иншуэренс менеджмент»;*

---

⁶ По материалам открытых СМИ.

- *Comptroller⁷ General* → начальник Главного контрольно-финансового управления США;
- *Japan's federations of agricultural cooperative associations and federations of mutual benefits associations for fisheries industries* → объединения ассоциаций сельскохозяйственных кооперативов и товариществ взаимовыгодных ассоциаций рыболовецких кооперативов Японии⁸;
- *начальник отдела пресс-службы и коммуникационной стратегии Департамента г. Москвы по конкурентной политике (Тендерный комитет)* → *Press Service & Communications Strategy Head⁹, Moscow City Bidding Policies Department (Tender Committee)*.

ДИСТАНТНОСТЬ ГРАФЕМНОГО ОФОРМЛЕНИЯ В ЯЗЫКАХ-КОММУНИКАНТАХ

Отметим несовпадающие правила представления социологом в английском и русском в части графемного оформления, например: *business unit controller in Thailand for food and agribusiness multinational Cargill* → *ревизор Таиландской дочернего предприятия многонациональной компании «Каргилл», производящей продукты питания и агропромышленную продукцию»; U.S. Treasury official and a senior fellow at the Peterson Institute for International Economics in Washington, D.C.* → *сотрудник Министерства финансов США и руководитель Института проблем международной экономики им. Петерсона в Вашингтоне.*

Во многих случаях употребления как английских, так и русских социологом наблюдается выраженная тенденция к «плотной упаковке» референтного пространства, что отражено в аббревиатурных компонентах, например: *профессор кафедры политологии МИГКУ; главный научный сотрудник ИРЭИ; член Президиума РАЕН* и др. Приведем примеры плотноупакованных английских социологом и их последовательной «распаковки» на русском:

⁷ Укажем на наличие более известного варианта написания данного термина – *Controller*, которое употребляется в финансовой сфере преимущественно для обозначения рядовых служащих; для обозначения же руководящего состава финансистов чаще используется *Contoller* (в особенности, в американском английском).

⁸ Обилие субстантивных компонентов внутри данной социологемы затрудняет ее понимание, вуалируя прозрачность соподчинения элементов «чужого» отраслевого пространства (об оппозиции «свой» – «чужой») с позиций психолингвистики и теории коммуникации см. [Красных 2003]. Полагаем обоснованным рассматривать данную социологему как коммуникативно напряженную [Власенко 2007] и, потому, обладающую большим лакуноформирующим потенциалом, т.е. выступающую оператором лакун (лакунизатором) [Власенко 1996; Власенко, Сорокин 2007].

⁹ Возможны и другие варианты англоязычной репрезентации: *Chief* или *Director*.

- *the MRI China CEO* → *CEO of executive search firm MRI China* → *Chief Executive Officer for China of Mediamark Research, Inc.* → *исполнительный директор китайского отделения кадрового агентства по подбору управленческого персонала «Медиамарк рисеч Чайна»;*
- *SVP* → *Senior VP* → *senior vice-president* → *первый вице-президент компании.*

Обратим внимание на вариант *первый вице-президент*, в котором очевидна нелинейность переноса семантических признаков. Предлагаемый многими словарями буквализм **старший вице-президент* никак не согласуется с существующими в российском социуме прецедентами именования, как-то: *Первый зампред ЦБ РФ; Первый вице-премьер правительства* и т.п. (подробнее см. [Власенко 1996, 2006a]). Вписаться в узус – задача переводчика, стремящегося исправить многочисленные случаи квазипереводческой практики, сохраняющего высокие стандарты мастерства благодаря развитию языковой компетенции – того средства, которое позволяет преодолевать зависимость от исходной иноязычной формы и сокращать, а не преумножать, масштабы дословных построений типа «*местная валюта*» (от *local currency*) вместо «*национальная валюта*» и «*местные законы*» (от *local laws*) вместо «*федеральное законодательство*» (об идиоматичности переводческих решений см. [Власенко 2009; Рябцева 2008]).

СОЦИОЛОГЕМЫ-ПЕРСОНАЛИИ

Анализ языковых данных рассматриваемого явления – *социологем-персоналий* – показывает, что в свои социально-значимые характеристики люди склонны включать все больше признаков, обеспечивающих их позиционирование как «достойных», «лучших», «важных» в данном социуме. Вследствие этого «языковая масса» социологем увеличивается и становится подобной *персоналиям*. Под *персоналиями* понимаются библиографические данные в виде справки, словарной статьи или комментария, размещаемые издателями об авторах на форзацах книги, в энциклопедиях, словарях и антологиях, юбилейных сборниках и т. п. в целях «инвентаризации» значимых для данного социума и данной профессии заслуг и достижений представляемой личности (на основе [ИТСИС 2008: 534-535]).

Для понимания *социологем-персоналий* обратимся к значению лексем «персона». Эта лексема, образованная от латинской основы со значением «маска, роль, личность, лицо» [Там же: 534], содержит указание на роль и личность в их пересечении или наложении, т. е. роль

той или иной личности в истории того или иного социума. Лексема «персональный», вошедшая в русский из польского, но также образованная от латинской основы [Там же], содержит сему «касающийся только данного лица; относящийся только к данному лицу». Ряд американских психоаналитиков усматривает в значении лексемы *персона* прямое указание на маску или облик, «который принимает на себя человек, оказавшись во внешнем мире»; при этом персона относится и к социальному статусу, и к работе или профессии, и к ряду других личностных параметров [КСАПО 1994: 107]. Исходя из заметного стремления коммуникантов, взаимодействующих в сфере профессиональной коммуникации, персонифицировать те или иные свои достижения и заявлять о них как о «воплощенных» проявлениях своего профессионального таланта и востребованности, социологema призвана, на наш взгляд, максимально выделять коммуникантов из круга людей своей профессии. В таком выделении просматривается коммерциализация своего имени, рекламные и саморекламные мотивы. Приведем примеры¹⁰:

- *Лектор семинара: Иванов В.В. – руководитель «Экспертбюро XYZ»¹¹, консультант-эксперт по финансовым, экономическим, налоговым, правовым и бухгалтерским вопросам с опытом проведения более двухсот тысяч консультаций более чем двадцати тысяч клиентов по построению систем управления и налогообложения;*
- *Автор программы: Иванова Л.Л. – сертифицированный бизнес-тренер, профессиональный коуч¹², консультант по вопросам разработки и внедрения систем мотивации, совершенствованию основных направлений управления персоналом организации, кадрового аудита; опыт руководящей работы более 10 лет.*

Вот как рассуждал о значении персоны известный немецкий ученый-психолог и психоаналитик К.Г. Юнг, усматривавший аномальность в «слишком полной идентификации человеком себя со своей персоной» и относивший это к «недостатку осознания мира, лежащего за пределами социальной роли (адвокат, аналитик, чернорабочий) или ролевой идентификации по полу, так же как и неспособность осознать достижение

---

¹⁰ По материалам объявлений о семинарах, размещаемых, в частности, на сайтах московских вузов, например: <http://www.ane.ru/povyshenie-kvalifikacii/index.html>

¹¹ В тексте статьи используются примеры социологем реальных лиц и организаций, в которых по этическим соображениям названия изменены; этим подчеркивается их типичность как единиц номинации социального пространства.

¹² Обратим внимание на навязчивость в использовании заимствованных элементов, мотивацией которых считаем недостаточную языковую и коммуникативную компетенцию авторов социологемных построений [Власенко 2008б].

зрелости». Другими словами, избыточная самоидентификация – реакция внутренних событий личности, проявленных вовне (цит. по: [КСАПЮ 1994: 106–107]). Приведенным словам вторят слова А.А. Леонтьева, на которого мы ссылались ранее, в частности, утверждающего, что «общение есть не только и не столько взаимоотношение людей в обществе, сколько (прежде всего!)¹³ взаимодействие людей как членов общества» [Леонтьев 2008: 25-26]. Таким образом, представляя себя другим людям, человек позиционируется в обществе.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий антропоцентризм самоидентификации участника профессиональной коммуникации. Представляется, что примеры ниже по тексту больше вписываются в понятие *социологемного ряда*, которое мы предлагаем использовать для анализа рассматриваемых фразовых комплексов. Попутно заметим, что материализация антропоцентризма приводит к протяженному *социологемному ряду*, который можно назвать «всеобъемлющим»:

- Петрова А.А. – к.э.н., независимый консультант по вопросам бухгалтерского учета и налогообложения, автор более 70 книг и многочисленных статей по проблемам бухгалтерского учета и налогообложения, доцент кафедры бухгалтерского учета Московского Государственного университета печати, соавтор методических рекомендаций по учету и калькулированию себестоимости в полиграфической промышленности и издательском деле.

Вероятно, приведенная социологема-персоналия по праву начинается с «к.э.н.». Вместе с тем, если исходить из социально значимого компонента «*доцент кафедры... университета*», затем в порядке личного вклада и массового признания в профессии «*автор*» и потом «*соавтор*», то должна была бы разворачиваться в сторону менее значимых социально позиций типа «*консультант по вопросам...*». Таким образом, в анализируемом *социологемном ряду* линейно расположенные члены ряда последовательно называют социально-значимые позиции в стране проживания автора: на первом плане – ведомственная принадлежность и должность на иерархической лестнице в указанном ведомстве, а затем – «свое место» в профессии. Очевидно, что непротиворечиво представлены первый и последний члены ряда; остальные же члены ряда представлены с нарушением логики развертки пространства по принципу включения (инкорпорирования) одного подпространства в другое. Непоследовательный порядок членов «*автор*», «*доцент*», «*соавтор*» сле-

---

¹³ Скобочное оформление автора цитаты. – А.А.Л.

довало бы заменить на более упорядоченный: «доцент», «автор», «соавтор» и т. д.

Переводческий аспект перевода социологемы «кандидат наук» известен широкому кругу ученых – как филологов, так и нефилологов, – рано или поздно пытавшихся позиционироваться в кругу своих зарубежных коллег. Общеизвестно, что в англоговорящих странах отсутствует данное ученое звание, поэтому прецеденты его перевода имеют целую «историю». Приведем следующий «динамический ряд»¹⁴ прецедентов: начиная букв. **Candidate of Science* (вариант с мн.ч. **Candidate of Sciences*) и заканчивая *Ph.D.* (доктор философии) как с указанием, так и без указания конкретной научной дисциплины. Из принятых сейчас вариантов укажем *Ph.D.(Physics)*, *Ph.D.(Law)* и т. п. или *Ph.D. Candidate* (букв. «кандидат на степень доктора философии»). Знаменательно, что эта лексема ярко иллюстрирует классические сложности перевода, лежащие на оси буквальность / вольность [Виноградов 2004; Власенко 2008а; Львовская 2008; Рябцева 2008; Сорокин 2003; Швейцер 1988; Эко 2006; Bell 1993; Nida 1975], а также конструктивность и действенность категории функциональной эквивалентности, предложенной почти четверть века назад Я. де Ваардом и Ю.А. Найда [Waard, Nida 1986].

Еще раз обратимся к положениям А.А. Леонтьева, который указывал на непреодолимость вербализации в процессе социализации людей, отмечая, что «существует огромный массив знаний, который не может быть представлен в иной форме, кроме вербальной» [Леонтьев 2003: 371]. Ученый-психоллингвист справедливо утверждал, что «овладение иностранным... языком превращается в весьма существенное звено социализации, а усвоение (или, лучше сказать, присвоение) иноязычной культуры из маргинальной части преподавания иностранного языка становится, по существу, ядром овладения им» [Там же: 371-372]. Учитывая, что языковая компетенция составляет не единственную, но базовую компетенцию переводчика, понятно значение социоллингвистики как научной дисциплины, питающей переводоведение, и практики инвентаризации социо-статусных наименований и их разноязычных сопоставлений для формирования и поддержания когнитивного механизма перекодирования начинающего и продолжающего переводчика.

В настоящей статье, посвященной переводоведческому ракурсу на вопросы социоллингвистической практики именования, были предложе-

---

¹⁴ Термин экономической статистики, указывающий на наличие корректно соположенных показателей, рассчитанных на основе одинаковых критериев за определенный период времени, что позволяет выявить любые изменения величин и проследить динамику.

ны термины *социологема*, *социологограмма* и *социологемный ряд*. По нашему убеждению, предложенные термины позволяют учитывать поверхностный – речезыковой – уровень репрезентации элементов социального знания, независимо от сложности формы внешнего означивания такого знания. Вместе с тем, внимание в данной статье акцентировалось на формах фиксации глубинного уровня смысла, означиваемых социального знания. Полагаем, что такой подход позволяет приблизиться к вопросу социолингвистической обусловленности критерия переводческой эквивалентности, а скорее изоморфности, рассматриваемых фразовых комплексов в их англо-русских параллелях. Социологема способны выступать в роли «спусковых механизмов» интерпретации в англо-русском и русско-английском переводе соответствующих текстовых фрагментов. Сказанное дает основание считать в определенной степени безусловным факт неизбежности непрямого и небуквального перевода рассматриваемых лексико-синтаксических образований, что свидетельствует о наличии у них заметного лакуноформирующего потенциала.

В заключение отметим, что восприятие и перевод социологем связан с преодолением их частичной или полной непрозрачности, объясняемой объективными национальными особенностями устройства институтов социально-экономической сферы и подвижности иерархии должностных структур как в англоязычных, так и русскоязычных странах. Вследствие этого переводчику необходимы фоновые знания о структуре организации или ведомства для адекватного означивания статуса ее представителей, а также макроэкономические и страноведческие знания об устройстве социума страны, представители которой участвуют в англо-русском дискурсе.

Л и т е р а т у р а

1. *Апресян Ю.А.* Понятийный аппарат системной лексикографии // Ю.А. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т.1: Парадигматика. М., 2009. С. 486-552.
2. *Быкова Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск, 2003.
3. *Виноградов В.С.* Перевод: Общие и лексические вопросы. М., 2004.
4. *Власенко С.В.* Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / РАН. Ин-т языкознания. М., 1996.
5. *Власенко С.В.* Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский русский. М., 2006а.
6. *Власенко С.В.* Перевод лакунизированного текста как процесс принятия переводческих решений в условиях неопределенности // Межкультурная коммуникация и перевод: Материалы 5-й межвуз. науч. конф. МОСУ. М., 2006б. С. 211-214.

7. *Власенко С.В.* Когнитивная стилистика: английские рамочные конструкции как компоненты стилистической схемы представления картины мира англоговорящих // Межкультурная коммуникация. Лексикология. М., 2007. С. 62-71. (Вестник МГЛУ; вып. 522. Серия «Лингвистика».)
8. *Власенко С.В.* Современное переводоведение: необозримые горизонты и актуальные проблемы развития (Очерк к 85-летию со дня рождения проф. А.Д. Швейцера) // Вопросы филологии. 2008а. № 3 (30). С. 65-75.
9. *Власенко С.В.* Адаптивность русского как переводящего языка в англо-русском коммуникативном взаимодействии с позиций переводоведения // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2008б. Вып. 36. С. 70-82. (http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_36.pdf)
10. *Власенко С.В.* Англо-русский квазиперевод или тотальный языковой импорт англицизмов в современный русский язык // Мир русского слова. 2009а. № 1. С. 20-29.
11. *Власенко С.В.* Социологемы – комплексные наименования социально-экономических институтов и внутриведомственных должностей (англо-русские сопоставления) // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков. Матер. междунауч. конф. к 100-летию проф. А.В. Куннина. М., 2009б. С. 32–34.
12. *Власенко С.В., Сорокин Ю.А.* Текст как плотно лакунизированное пространство // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 41-45.
13. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М., 2002.
14. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
15. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М., 2001.
16. *Конечная В.П.* Лексико-семантические характеристики языковых реалий // Великобритания. Лингвострановедческий словарь. М., 1980. С. 463-466.
17. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
18. *Кунин А.В.* Введение // Англо-русский фразеологический словарь. / Сост. А.В. Кунин. М., 1984. С. 7.
19. *Леонтьев А.А.* Психологический статус знаний // А.А. Леонтьев. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Избранные психологические труды. М., 2003. С. 368-372.
20. *Леонтьев А.А.* Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М., 2008. С. 25-37.
21. *Лихачев Д.С.* Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. В 3-х тт. Том III. М., 2006. С. 314.
22. *Львовская З.Д.* Современные проблемы перевод / Пер. с исп. М., 2008.
23. *Постникова Н.А.* Формы длительного вида в английском языке и их перевод на русский язык // Проблемы перевода текстов разных типов. АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1986. С. 95-103.
24. *Рябцева Н.К.* Стереотипность и творчество в переводе // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. ПермГУ. / Под ред. проф. Е.А. Баженовой. Пермь, 2008. Вып. 12. С. 12-26.
25. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.
26. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
27. *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. / Пер. с итал. А.Н. Коваля. СПб., 2006 [2003].
28. *Швейцер А.Д.* Современная социоллингвистика. Теория, проблемы и методы. М., 1976.
29. *Швейцер А.Д.* Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.
30. *Швейцер А.Д.* Теория перевода и социоллингвистика // А.Д. Швейцер. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988. С. 15-21.

30. Швейцер А.Д. Социоллингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 481-482.
31. Bell R.T. Translation and Translating: Theory and Practice / Gen. Ed. G.N. Candlin. L., N.Y., 1993. (Applied Linguistics and Language Study)
32. Byzantium: Byzantium. Faith and Power (1261–1557) / Evans H.C. (Ed.). The Metropolitan Museum of Art, N.Y. London, 2004.
33. Nida E.A. Words and Thoughts // Language Structure and Translation. Essays by Eugene A. Nida / Comp. by A.S. Dil. Stanford (CA), 1975. P. 190-199.
34. Svejcer A.D. Contemporary Sociolinguistics: Theory, Problems, Methods (Linguistics and Literary Studies in Eastern Europe, Volume 15). Amsterdam, 1986.
35. Svejcer A.D., Nikol'skij L.B. Introduction to Sociolinguistics. Amsterdam, 1986.
36. Waard J., Nida E.A. From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating. Nashville, 1986.

Словарные издания

1. АМЕРИКАНА: Англо-русский лингвострановедческий словарь. / Под ред. проф. Г.В. Чернова. М., 1996.
2. АРФС: Англо-русский финансовый словарь. В 2-х тт. / Сост. В.Я. Факов. М., 2005. Т. I.
3. БАРФЭС: Большой англо-русский финансово-экономический словарь. / Сост. А.Г. Пивовар. М., 2000.
4. БАРИОС: Большой англо-русский юридический словарь. / Сост. Пивовар А.Г. М., 2003.
5. ИТСИС: Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. / Сост. Л.П. Крысин. М., 2008.
6. КСАПО: Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. / Сэмьюэлз Э., Шофтер Б., Плот Ф. / Пер. с англ. М., 1994.
7. ТППСПК: Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь. / Сост. Власенко С.В. // С.В. Власенко. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский русский. М., 2006. С. 16-90.
8. ТСИС: Толковый словарь иностранных слов. / Сост. Л.П. Крысин. М., 2000.

Электронный ресурс

1. ABBYY LINGVO 12: Electronic Multilingual Dictionary, Version 5, 2006.

Этическая составляющая в английском языке делового общения

© А. Салахетдинова, 2009

В наши дни английский язык прочно вошел в жизнь мирового сообщества, что и сделало его предметом изучения и обучения для достижения разнообразных целей во всех уголках земли. Английский – второй государственный язык во многих странах и основной язык межгосударственного общения, с помощью которого люди разных национальностей, рас и вероисповеданий могут общаться и понимать друг друга.

Английский язык делового общения – это неотъемлемая часть общения в среде международного предпринимательства. Это не просто один из регистров¹ (понятие более узкое, чем функциональные стили; больше относится к ситуационно обусловленным вариантам использования языка) английского языка. Он сам включает в себя несколько «подрегистров», обслуживающих различные коммуникативные потребности в различных ситуациях: при представлении друг другу незнакомых людей, во время деловых встреч и переговоров, презентаций, для ведения деловой переписки, при телефонных переговорах, при общении по электронной почте или с помощью других современных приспособлений, при подписании договоров и т.п. Язык, используемый в вышеуказанных обстоятельствах, будет иметь определенные регистровые различия. Однако не следует забывать, что все эти регистры тесно переплетены и взаимосвязаны, что и дает нам возможность говорить об английском языке делового общения как о сфере взаимодействия регистров².

Поскольку английский язык делового общения уже давно является объектом интенсивного изучения, существует несметное количество учебников, пособий и словарей на эту тему. Их многообразие покрывает как разные уровни знаний изучающих английский язык делового общения, так и разнообразные сферы деятельности – переговоры, управление, корреспонденцию и т.п. Важное различие между теми или иными учебниками, пособиями состоит в том, на какой из аспектов языка они в наибольшей степени ориентированы – грамматический, лексический либо их сочетание, или же речь идет о достижении коммуникативной компетенции, что в настоящее время встречается наиболее часто.

---

¹ Н.Б. Гвишиани. Современный английский язык. Лексикология. = Modern English Studies. Lexicology. – М., Издательский центр «Академия», 2007.

² Это – часть определения английского языка делового общения, данного Т.Б. Назаровой в книге Business English. Introductory course for Advanced Students.

Следует особо отметить словари делового английского языка. Их можно подразделить на общие и специализированные. В общих представлены слова общего словарного запаса английского языка делового общения, деловые термины, а также наиболее употребительные термины из разных сфер делового общения. Существуют также словари деловых терминов. Классификация специализированных словарей основана на их тематической дифференциации – так, достаточно широко представлены словари для бизнесменов, юристов, финансистов, экономистов, работников торговли и т.п. И, как уже было замечено выше, различные сферы делового мира часто взаимосвязаны, проникают одна в другую, переплетаются и идут рука об руку. Поэтому не удивительно, что существуют словари, покрывающие две или более такие сферы, как, например, словари торговли и финансов, бизнеса и управления и т.д.

К сожалению, среди всего множества представленных словарей, учебников, пособий и других материалов на тему английского языка делового общения такая важная и интересная тема, как деловая этика, не нашла должного отражения. Ее можно было бы вынести в список сфер деловой деятельности как отдельную сферу наравне с другими, ранее уже упомянутыми, однако не следует забывать, что она связана со всеми из них. Этические принципы формируют основу любого вида деловой активности и на местном уровне, и на уровне международном.

Под этикой бизнеса понимаются моральные постулаты и принципы не только в сфере бизнеса в узком понимании, но и в сфере любой другой профессиональной деятельности, т.е. бизнеса (мира деловых отношений) в широком смысле.

Что же такое этика в бизнесе? На чем она основывается? Возможно ли вообще совмещать эти два понятия, и не абсурдно ли это?

С одной стороны, в основе бизнеса (коммерции, предпринимательства) лежит эгоизм, личный интерес и выгода. С другой, – этика как теория ценностей и мораль как важные для человека ценности. Авторы научно-аналитического обзора «Этика бизнеса»³ выводят следующую логическую цепочку, которую мы и возьмем как основу для связи этих на первый взгляд несовместимых понятий: личный интерес двигает прогресс, является катализатором общественного развития, социальной динамики и инициатив, которые в свою очередь являются инструментом укрепления демократии. А цель демократии, по мнению авторов, – приоритет «естественных прав человека перед государственным правом, это и есть политический коррелят моральных ценностей. Отсюда вывод: во-первых, общественное развитие телеологично⁴ и его "сверхцель" – моральный прогресс и, во-вторых, бизнес как социально-философская

---

³ Этика бизнеса. – Москва, 1994.

⁴ Телеологично = целесообразно, имеет целевую направленность

категория способствует моральному прогрессу общества»⁵. В связи с этим большинство тех, кто занимается данной проблематикой, делают основной упор на социальную ответственность бизнеса. И это уже совершенно естественно для западного мира, где собственно желание добиться успеха заставляет предпринимателей думать об этической стороне своего бизнеса. Важной составляющей в системе ценностей западного делового человека является религия как база общечеловеческих моральных устоев. В то время как в нашей стране, учитывая социально-историческое развитие нескольких прошлых десятилетий с практически полным отсутствием предпринимательства и религии как таковых, а также недавнее резкое изменение политического, а как следствие, экономического курса, деловая практика, бизнес, как отмечается во многих исследованиях на данную тему, прошли процесс стремительного роста в «диких» условиях, когда об этической составляющей если кто и задумывался, то был лишь исключением, подтверждающим правило. К счастью, ситуация меняется в лучшую сторону, российские бизнесмены многому научились за последние годы в этой области как на своем собственном опыте, так и у своих западных коллег; высшие учебные заведения, специализирующиеся на подготовке управленческих кадров и специалистов в различных областях предпринимательства, фокусируют внимание учащихся на данной проблематике; издаются соответствующие учебные пособия и сборники⁶.

Как отмечалось выше, в наши дни трудно переоценить значение английского языка на международной арене делового общения. Мы встречаем слова, несущие в себе морально-этические концепты, на каждом шагу и в самых разных сферах – юридической, финансовой, страховой и т.д. Они прочно вошли в наше сознание и зачастую мы не замечаем их семантические особенности и специфику их употребления. Во многих учебниках встречаются такие понятия, как “honesty” (честность), “loyalty” (преданность, лояльность), “accuracy” (точность), “discrimination” (дискриминация), но внимание изучающих язык к понятиям, выраженным этими словами, не привлекается. Подразумевается, что представление о них имеется у каждого. Однако эти представления могут быть довольно разными у представителей разных культур. Узнать же об особенностях своей собственной культуры (в том числе и с этической точки зрения) можно изучая чуждые (ведь всё, что не своё, нередко воспринимается как чуждое, враждебное) и сравнивая их со своей, родной.

---

⁵ Там же, стр.9.

⁶ Г.Н. Смирнов. Этика деловых отношений. Учебник. – Москва: Проспект, 2009.

Ю.Ю. Петрунин, В.К. Борисов. Этика бизнеса. Учебник. – Москва: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

В связи с вышесказанным представляется необходимым привлечь больше внимания к сфере деловой этики в современном английском языке делового общения. Первоначальной целью будет помочь преподавателям и изучающим английский язык делового общения обратить внимание на существование слов, отражающих понятия деловой этики, и их концептуальное наполнение, вывести их из области философии и прочно привязать к реалиям деловой практики.

Несомненно, что для овладения понятиями английского языка для делового общения в сфере деловой этики необходим определенный уровень знаний английского языка в целом и его специфики в деловом общении, в частности. Иначе говоря, изучение лексики, содержащей понятия деловой этики, требует знаний продвинутого уровня и выше. Однако это не означает, что даже владея английским языком на столь высоком уровне, изучающему не понадобится подыскивать эквивалент того или иного понятия из сферы деловой этики на русском языке. Дело в том, что многие из этих понятий принадлежат к весьма специфичным сферам деловой активности, а также нередко являются терминами, в связи с чем их значение трудно вывести из контекста или значений компонентов сочетания (если речь идет о словосочетаниях). К примеру, имеющий высокий уровень владения английским языком студент нередко затрудняется в понимании таких слов, как *barratry* (баратрия – вред, причиненный судну или грузу капитаном или командой умышленно или по преступной небрежности), *felony* (фелония – категория тяжких преступлений, по степени опасности находящаяся между государственной изменой и мисдиминором⁷), *embezzlement* (растрата; присвоение чужого имущества или денег) или *tort* (гражданское правонарушение), т.к. они являются терминами из юридической, транспортной и других областей. Такие сочетания, как *international minimum standard* (международный минимальный стандарт) или *loud talk* (громкий разговор) потребуют не только перевода на русский язык, но и описательного перифрастического объяснения на двух языках. Еще одним камнем преткновения могут стать так называемые ментефакты (термин, которым В.В. Красных обозначает элементы содержания сознания⁸), которые всегда требуют ссылки или дополнительного объяснения. Всё это обеспечит соблюдение строгого соответствия смыслу терминов и терминологических сочетаний, а также легкость их употребления, как в устной, так и в письменной речи.

---

⁷ Мисдиминор (англ. *misdemeanour*) — в уголовном праве США и ряда других стран английского общего права категория наименее опасных преступных деяний, граничащих с административными правонарушениями.

⁸ Цитата по: Карасик В., Ярмахова Е. Лингвокультурный типаж 'английский чудак'. – Москва: Гнозис, 2006.

Как же классифицировать слова из мира делового общения, несущие в себе значение морально-этического характера?

Один из наиболее вероятных вариантов – разделять их по сферам предпринимательской деятельности, в которых эти слова употребляются. Этот вариант представляется наиболее удобным и эффективным для учебников и пособий, посвященных тем или иным сферам английского языка делового общения. Другой формой помощи в освоении данного пласта лексики может быть толковый англо-русский словарь деловой этики. В данном случае будет уместно алфавитное расположение слов, наиболее широко применяемое в лексикографии, с примечанием о сфере употребления данной лексической единицы или каждого из ее значений. Ведь даже несмотря на то, что термины должны, строго говоря, быть сугубо моносемантическими, нередко это правило нарушается, и один термин может иметь несколько значений в зависимости от сферы употребления.

Ни в словарях на заданную тему, ни в учебниках или пособиях невозможно избежать и описания слов с точки зрения стилистики. Мир делового общения часто представляется довольно чопорным, консервативным, что отражается на его языке, делая его также формально-нейтральным. В то же время деловая активность по определению связана с риском, непредвиденными ситуациями, с вероятностью достичь вершины или с нее упасть. Язык отражает все эмоциональные составляющие любой человеческой деятельности, в том числе и деловой: позитивные или негативные эмоционально окрашенные слова постоянно появляются в разговорной речи, в ситуациях, когда участники коммуникативного процесса вольны выбирать наиболее подходящие средства выражения, как, например, *a loud talk* или *to be in the black* (в Великобритании – иметь положительное сальдо) и *to be in the red* (в Великобритании – иметь отрицательное сальдо).

В заключение хотелось бы отметить, что основным критерием отбора слов, которые можно отнести к сфере этики в английском языке делового общения, является их связь с одним из регистров английского языка делового общения и их значение в области этики как системы моральных правил и принципов поведения. Необходимость подобного отбора в целях изучения английского языка делового общения с одной стороны, и обучения и прививания этических норм и правил в бизнесе с другой очевидна. В современном мире, особенно в таких наиболее динамично и стремительно экономически развивающихся странах, как Россия, соблазн следовать исключительно собственным корыстным интересам, оправдывающим этическую нечистоплотность во имя бизнеса, в деловой среде очень велик. И тем важнее и интереснее представля-

ется затронутая тема в английском языке делового общения в сопоставлении с русским языком, характером и культурой.

ЛИТЕРАТУРА

- Bannock G., Baxter R. E., Davis E.* Dictionary of Economics. 5th Edition. Penguin Books, 1992.
Black's Law Dictionary. 6th Edition. West Publishing Co., St. Paul, Minn., 1990.
Gvishiani N. Terminology in English Language Teaching. Moscow: Vysšaja škola, 1994.
Longman Business English Dictionary. Pearson Education Limited, 2000.
Longman's Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Ltd., 1992.
Nazarova T. Business English. An Introductory Course for Advanced Students. М.: Диалог МГУ, 1997.
Большой англо-русский русско-английский словарь по бизнесу. 2-е изд., М.: Джон Уайли энд Санз, 1994.
Гвишиани, Н. Б. Современный английский язык. Лексикология. М.: Издательский центр «Академия», 2007.
Карасик В., Ярмахова Е. Лингвокультурный типаж 'английский чудак'. М.: Гнозис, 2006.
Мюллер В. К. Англо-русский Словарь. 22-е изд., стер. М.: Русский язык, 1989.
Новый Большой Англо-русский Словарь: в 3-х т. М.: Русский язык, 1993.
Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса: Учебник. Москва: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
Смирнов Г.Н. Этика деловых отношений: учебник. М.: Проспект, 2009.
Философский энциклопедический словарь. 2-е изд., М.: Советская Энциклопедия, 1989.
Этика бизнеса. М., 1994.

Гнев в английской лингвокультуре

© Е.В. Тронева, 2009

Людам свойственно испытывать эмоции независимо от их языка и национальной принадлежности, однако проявление этих эмоций, их значение и направленность имеют свою культурную специфику, что находит свое отражение в речи. Попадая в одну и ту же ситуацию, представители разных культур необязательно чувствуют и ощущают себя одинаково, и как результат, варьируются эмоции и предпосылки, их вызывающие. Вопрос проявления эмоций представителями разных культур в тех или иных ситуациях, на наш взгляд, заслуживает наибольшего внимания, и связано это с тем, что именно различия между культурами находят яркое отражение в языке и коммуникации. Культурно обусловленные проявления эмоций накладывают определенный отпечаток на различия в степени их экспрессивности, направленности, значения.

В английской культуре эмоциональная сдержанность и самоконтроль являются важнейшими особенностями поведения, которые вызывают уважение и симпатию окружающих, в то время как проявление чувств, особенно негативных, не приветствуется и считается свидетельством недостаточной зрелости и невоспитанности.

Национальный стиль коммуникации непосредственно связан с категорией вежливости, которая является национально-специфической и предопределяется культурой народа. В своей книге «Англия и англичане» А.В. Павловская пишет о знаменитой английской сдержанности, стремлении скрыть эмоции, сохранить лицо как о важнейшей черте английского национального характера, которая выделяет англичан среди других народов. Учитывая английскую сдержанность и недоговоренность, то есть *reserve* и *understatement*, которые так присущи категории вежливости, смеем заметить, что «раздражение и другие отрицательные эмоции находят выход в иронии и сарказме» (М.М. Филиппова). Наряду с сублимированной агрессивностью среди черт национального характера Т.В. Ларина также называет высокий самоконтроль, т.е. контроль эмоций: по результатам проведенного им исследования, англичане более всего гордятся своей предупредительностью, вниманием к другим (*consideration for others*) и осуждают прежде всего вспыльчивость, несдержанность

Представители разных культур наделяют англичан такими чертами как холодность, чрезмерная сдержанность, равнодушие, снобизм и вы-

сокомерие, а хорошо известное выражение “stiff upper lip”, часто употребляемое для указания чопорности и надменности англичан, имеет отрицательные коннотации. Исследования А.Вежицкой подчеркивают взаимосвязь ограничений на свободное выражение эмоций с соблюдением дистанции, недопустимостью физического контакта, строгими предписаниями речевого этикета. Какие бы сильные эмоции не кипели в душе, внешне этого никто не должен видеть, человек должен сохранять спокойствие, не терять самоконтроль, быть вежливым, соответствовать общепринятым поведенческим нормам, что на психологическом уровне означает вытеснить или скрыть свои истинные чувства или подменить одно чувство другим.

По мнению исследователей, эмоциональные концепты имеют более сложную и тонкую структуру и богатое концептуальное содержание. Они наиболее субъективны по своему характеру. Именно поэтому, пожалуй, тема вербальной репрезентации эмоционального концепта «гнев» в английской картине мира является интересной для автора данной статьи. В частности, актуальность данной статьи объясняется необходимостью изучения способов концептуализации и вербализации эмоции «гнев» в английской языковой картине мира.

Поскольку мы рассматриваем «гнев» как эмоциональный концепт, было бы целесообразно сделать краткий обзор понятия эмоциональных концептов вообще, показать их взаимосвязь с культурой и языком.

Эмоциональные концепты имеют особенную значимость и ценность для создания эмоциональной картины мира, которая рисуется с помощью концепта как «сгустка культуры в сознании человека» (Ю.С. Стернин) на стыке нескольких формирующих пластов – культуры, сознания и языка. Взаимосвязь культуры, эмоциональной концептосферы и языка проявляется в базовых значениях (понятиях) каждой лингвокультуры.

Анализ специальной литературы обнаруживает множество научных концепций, претендующих на основательное объяснение этого явления и при этом нередко противоречащих друг другу. И поскольку в психологии нет единого понимания и четкого терминологического разграничения в употреблении родственных понятий «эмоция», «чувство», «аффект», «ощущение», следуя терминологической традиции отечественных лингвистов-эмотиологов (Е.Ю. Мягкова, 1990; В.И. Шаховский, 1988, 1995 и др.), термин «эмоция» был использован в работе как собирательное понятие.

Поскольку проявления эмоций на различных уровнях носят многогранный характер, сложные отношения с предметным содержанием исключают возможность простой линейной классификации эмоций в психологии. Существует множество классификаций в зависимости от-

того, что автор понимает под эмоциями. Одни ученые признают существование базовых эмоций, другие считают, что человек конструирует эмоции из своего жизненного опыта, что эмоция является продуктом культуры, социализации и обучения.

В исследовании К. Изарда, например, эмоции интереса, радости, удивления, печали, гнева, отвращения, презрения, страха и стыда отвечают критериям базовости или универсальности. Наиболее очевидным и необходимым представляется деление эмоций на положительные и отрицательные. Существуют и лингвистические концепции эмоций, суть которых сводится к тому, что есть мир (объект) и есть человек (субъект), способный отражать этот мир. Но как языковая личность он отражает не механистически все подряд, а пристрастно, только то, что ему необходимо. Данный процесс отражения регулируют эмоции, выступающие в роли посредника между миром и его отражением в языке человека. В свою очередь, вербализованная эмоция есть имя концепта эмоции, поскольку оно существует в качестве знакового образования. Оно функционирует в лингвокультуре и, следовательно, отражает в себе эмоциональный опыт как того или иного индивида, так и социума в целом, оценочно категоризируя, концептуализируя окружающий мир. Лексема есть важнейшее средство вербального оформления концепта.

В работах отечественных и зарубежных лингвистов, таких как Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицка, Дж. Лакофф, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик и др. определена позиция, которую занимает концепт среди других понятий лингвокультурологии. Исследователи утверждают, что у каждого человека есть свой, индивидуальный культурный опыт, запас знаний и навыков, которыми определяется богатство значений слова и богатство концептов, связанных этими значениями, а иногда, впрочем, и их бедность, однозначность. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слов с личным и народным опытом человека, т.е. концепт равен сумме лексического значения и опыта языковой личности. Концепт – это единица мышления, значение – единица семантического пространства, он не имеет обязательной связи со словом или другими средствами вербализации. Концепт обладает национальной, социальной, групповой и индивидуальной спецификой, приближен к ментальному миру человека, следовательно, к культуре и истории. Концепты представляют собой коллективное наследие в сознании народа, культуру его духовной жизни. Именно коллективное сознание является хранителем констант, то есть концептов.

Учитывая различные точки зрения лингвокультурологов на концепт и эмоциональный концепт, было выбрано следующее определение эмоционального концепта: это ментальная единица высокой степени абст-

рации, выполняющая функцию метапсихической регуляции и отражающая в языковом сознании многовековой опыт интроспекции этноса в виде общеуниверсальных и культурно-специфических представлений об эмоциональных переживаниях. Авторы подчеркивают, что традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели/образцы поведения и т.п., исторически складывающиеся на всем протяжении развития конкретного сообщества людей, определяют социо-культурно-психологические характеристики эмоциональных концептов. Их учет важен не только для этнографических и исторических исследований, но и для лингвокультурологических работ, в частности, для адекватного изучения концептосфер разных языков.

Существуют различные точки зрения на проблему в работах В.Н. Топорова, А.Я. Гуревича, В.С. Степина, Г.А. Серебренникова, О.А. Корнилова, которые выделяют разные картины мира и предлагают свои критерии их классификации. Исследователи подразделяют картины мира на научную, философскую, концептуальную, наивную и художественную. Существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром, сколько имеется «призм» мировидения, человек смотрит на мир не только сквозь призму своего индивидуального опыта; существует столько картин мира, сколько имеется миров, на которые смотрит наблюдатель. Синонимом слова мир «выступает» действительность, реальность (объективная), бытие, природа и человек» [Серебренников, 1988: 33].

Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольта и неогумбольдтианцев (Вайсгерберг и др.) о внутренней форме языка, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа, – с другой.

Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. Хотя представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт, накопленный на протяжении многих тысячелетий десятками поколений, могут попасть в категорию «наивной» картины, во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем представления «научные».

Раскрыть характер народа, значит, выявить его наиболее значимые социально-психологические черты, которые исторически вырабатывались у нации под воздействием условий проживания, образа жизни, социально-экономического строя и др. Национальный образ жизни народа формируется природными условиями, окружающим миром, которые в свою очередь определяют род труда, обычаи и традиции. Языковая картина мира – это системное, целостное отображение действительности с помощью различных языковых средств.

Картина мира приобретает «новые краски» и в ракурсе эмоциональной сферы сознания, что позволяет выделить эмоциональную картину мира, в которой объективно существующая реальность отражается сквозь призму человеческих эмоций. Итак, основополагающее место в эмоциональной картине мира отводится собственно эмоциям, в которых проявляется эмоциональная сторона психики человека.

Категоризация эмоций и эмотивность.

Многогранность проявления эмоций на различных уровнях отражения и деятельности, сложные отношения с предметным содержанием исключают возможность простой линейной классификации эмоций в психологии. Существует множество классификаций в зависимости от того, что автор понимает под эмоциями. Одним из наиболее распространенных убеждений в исследовании человеческих эмоций является то, что их можно свести к небольшому числу универсальных и врожденных, свойственных всем людям. Следуя теории Роберта Плучика, небольшое число эмоций рассматривается как первичные, или основные, или базовые, а все прочие эмоции – как вторичные, производные и возникающие в результате смешения первичных эмоций. На протяжении многих веков многие философы и психологи предлагали свой список базовых эмоций. Самый маленький список состоит из трех эмоций, а самый большой из одиннадцати, но большинство предложенных списков насчитывает от пяти до девяти эмоций.

Фанита Инглиш предложила различать чувства рэкета и аутентичные чувства. О чувстве рэкета часто говорят как о покрывающем (скрывающем) аутентичное чувство, что на уровне языка и речи выражается напрямую или эвфемистически. Выделяют четыре аутентичных чувства: злость (гнев), печаль, страх, радость. На уровне физических ощущений могут быть испытаны следующие: покой, расслабленность, голод, сытость, усталость, возбуждение, отвращение, сонливость. Можно описать множество страниц, описывающих чувства рэкета, начиная, например, с таких неаутентичных чувств, которые обычно характеризуются как эмоции: смущение, ревность, депрессия, вина, растерянность, чувство загнанности в тупик, беспомощность, отчаяние и тому подобное.

В обоснование утверждения, что такие эмоции, как страх, гнев или грусть, являются врожденными и универсальными, многие ученые апеллируют к тому (предполагаемому) факту, что данные конкретные эмоции якобы «обнаруживаются во всех культурах», как сообщает Плутик. Рассмотрев различные взгляды по дифференциации эмоций и их деление на базовые и вторичные, нам нужно определить, каким образом они интерпретируются. Предложенная интерпретация будет ограничена внутренним лексиконом говорящего, учитывая то, какие имена для оттенков чувств были найдены каждым народом, а также лингвокультуральные особенности исследуемой нации.

Итак, способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую дает им их родной язык.

В силу того, что эмоция – психологическая категория, а эмотивность – языковая, В.И. Шаховский определяет эмотивность как имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции; имеет два плана: план содержания и план выражения, через которые манифестируются эмоциональные отношения / состояния говорящих. Предлагается три измерения, которые эмоционально описывают сферу сознания: удовольствие – неудовольствие, расслабление – напряжение, покой – возбуждение, эмоции имеют как собственно физиологические (природные), так и оценочные (результат осмысления) параметры. В лингвистическом аспекте проблема эмоций начинается с проблемы функции языка – функции выражения и вызывания эмоций в процессе речевого общения. Слово эмоция (франц. Emotion < лат. Emovere – «возбуждать», «волновать») обозначает душевное переживание, волнение, чувства, например гнев, страх, печаль, радость. Лексика аналогичная: headstrong, to cachinnate, tattle, bloke, fantastic, beastly, etc. употребляются только в эмоциональном состоянии и в определенной ситуации, в состоянии же эмоционального покоя мы никогда не употребим эмотивы.

Лексика с превалирующей эмотивной функцией говорит о квалификационно-оценочной составляющей, смысловым центром которой, вершинной семантикой является выражение сильных эмоций: *междометия, проклятья, бранные слова* и т.п. (Damn it! Bullshit! What on earth и пр.). Эти слова, о которых Н.Д. Арутюнова писала: «Ругань выражает только отрицательное отношение говорящего к объекту оценки (обычно адресату). Она не нуждается ни в основании, ни в критерии оценки...»

Об истинной степени интенсивности эмоций получатель речи узнает прежде всего из их речевых выражений, а не из их описания. Ср.: 1. I'm furious! 2. I've got angry with you! 3. I'm cross with you (при этом гово-

рящий багровеет, хмурит брови и произносит эту фразу с сердитой интонацией – здесь одновременно реализуются рациональные и параязыковые языковые средства: кинесика, просодия и другие средства); 4. *Damn you! Rabble! Rascal! To put me in a spot!* Во втором случае языковой выразительный компонент эмоции отсутствует, в третьем случае он не лингвистический, а физиологический. В четвертом – налицо яркий, интенсивный выразительный языковой компонент эмоции – соответствующая данной эмоции эмотивная лексика, синтаксические структуры и просодическое оформление. Во втором и третьем случае отражены лишь фактуальные описания эмоций. При этом первое и второе высказывания описывают эмоцию, третье – обнаруживает, выдает эмоцию, четвертое – выражает эмоцию.

Речь является не только инструментом для называния эмоций, но и инструментом для выражения разнообразных эмоциональных отношений человека к миру. Эмоция может быть и формой отражения, и предметом отражения. Когда она предмет отражения (*love, hatred, disgust, etc.*), то слово, ее называющее, не является эмотивом, так как не выражает эмоцию, а служит лишь индикацией определенного понятия об определенной эмоции. Эмотив же своей семантикой выражает эмоциональное состояние внутреннего я, его сознания, психики. Эмоциональное поведение человека может быть значимым для объекта: дрожит голос, человек волнуется, бледнеет или краснеет и пр. Это настоящее эмоциональное состояние.

Лексика, обозначающая различные эмоциональные состояния: «зол», «рад», «жаль», «стыдно», «завидно», и пр. – эмотивной не является, она – логико-предметная. В перечисленных словах, также как и в других названиях эмоций – злоба (*malice*), жалость (*pity*), стыд (*shame*), зависть (*envy*), отчаяние (*despair*), антипатия (*aversion*), раздражение (*annoyance*), и др. – отсутствует заражающий компонент.

Семантическое различие между словами, выражающими эмоции, и словами, обозначающими их, очень наглядно демонстрируется на примере их прагматики. Ср., например: «Я взбешен от его глупости!» «*I'm mad at his rudeness!*» «*How rude!*» и «*You stinking cad!*». В первых высказываниях утверждается об эмоциональном отношении к чьей-то грубости, во вторых представлено непосредственное выражение эмоционального отношения к ней. Называние эмоции отношения в высказывании снижает коммуникативно-эмоциональный эффект сразу на несколько порогов (ср.: *You dirty, miserable sneaking worm!* и *You've no idea how I despise you!*

Анализ многочисленных художественных произведений, отражающих различное языковое выражение эмоций, показывает, что английский социум поощряет выражение одних эмоций и порицает другие,

поощряет одни способы и средства выражения эмоций и запрещает другие (культурологические проявления). Выражение эмоций осуществляется с помощью особой лексики – эмотивной. Но не только лексический, все другие планы языка также имеют специальные средства выражения эмоций: а) лексическое описание эмоциональных кинем и просодии; б) лексическое выражение эмоций через употребление эмотивов: *terrible, awful, dreadfully*; в) стилистические средства: повторы эмоциональных усилителей *how, so*, параллельные конструкции *I've felt ..., you've been*, метафора *the jams of death*; г) синтаксические средства: *those people; a silly fool of a woman*, усилительные структуры: *how much..., very much..., what a...*

В словарном корпусе английского языка имеются специальные лексические единицы, передающие описательно эмоциональное состояние характеризуемого. К ним следует отнести: а) наречия, описывающие эмоции: *icily, viciously, lovingly, furiously, desperately, contemptuously, fiercely, etc.*; б) глаголы, описывающие эмоции говорящего: *wail, shriek, squeal, whine, groan, snap, grunt, snort, bark, snarl, shrill, explode, swear, spit, blaster* и другие глаголы эмоциональной речи и не речи: *hate, love, despise, adore, awe, etc.*; в) существительные, куда включаются и все термины эмоций с предлогом *with*: *with love / malice / hate / contempt / disgust, etc.*; существительные, обозначающие физиологические проявления эмоций: *tears, laughter, smile, choking, paleness, grimace, redness, bitterness, scorn, joy.*; г) прилагательные: *angry, contemptuous, scornful, tender, loving, happy, joyous, glad, pale, red, desperate, etc.*

Самый частотный вариант описания эмоций, встречаемый в художественной литературе, это лексическое описание эмоциональных кинем. В частности, кинемы лица говорящего (губы и глаза), являются наиболее информативными. Кинемы глаз, которые передают эмоции человека, довольно часто сопровождаются конкретным названием эмоции: *He looked on the scene with revulsion; She had caught in his eyes a disdain.*

Кинемы губ чаще употребляются без прямых названий эмоций, так как они «упакованы» в семантику кинемных глаголов: *smirk, curl, sneer, etc.* Например: «Ah! You are afraid of yourself», she said, **curling** her lips. В семантике выделенного глагола имеется сема «презрение» (кривить губы от презрения, презрительно).

Для описания эмоциональных кинем лица наиболее характерными являются такие лексические детерминанты: *an expression of dismay / love / despair / joy etc.; to twist with fear; to glow with joy.*

Приведем примеры лексических обозначений эмоциональных кинем глаз при выражении эмоции гнева: *to look ireful, an angry glance, blazing fury in ... eyes, a glance of exasperation etc.* Эмоция злобы: *malicious eyes*

gleamed; eyes were black with malice; there was a hint of malice in his/her eyes etc., эмоция презрения: a look of contempt; in his eyes she read an icy disdain, she caught in his eyes a disdain etc; эмоция отвращения: to look with revulsion, a look of physical distaste etc.

В лексиконе любого языкового сообщества имеется стартовый набор синонимичных обозначений эмоций для описания той или иной эмоции. Концептуальное поле эмоции **гнев** в английском языке: rage – outrage – fury – hysteria – wrath – hate – anger – indignation – heat – malice – spite – irritation – irritability – exasperation – outbreak – explosion – virulence – resentment – gall – grudge – pique – annoyance – displeasure. Концепт anger – доминанта данного синонимического ряда.

Наряду с вежливыми и невежливыми речевыми актами, которые выделял Дж.Лич, приведем такое понятие как угрожающий лицу речевой акт, т.е. тот, в котором говорящий побуждает слушающего совершить действие, или где в той или иной степени затрагиваются его интересы или чувства. К таким речевым актам в первую очередь относятся приказ, совет, угроза, запрет, предупреждение, требование, а также просьба, приглашение, предложение.

Гнев может быть передан путем повелительного наклонения, которое используется для широкого круга речевых актов:

Приказ, команда

Get off my fucking foot!

Запрет

Don't touch it!

Требование

Shut the door!

Проклятие

Go to hell!

Угроза

Make a move and I'll shoot!

Эмотивное ударение. Грамматические способы выражения гнева включают: восклицания, побуждающее do в повелительном наклонении, междометия, эксплетивные и усилительные слова, включая усилительные наречия, относящиеся к предложению в целом, такие как actually, really, indeed.

Восклицания как формальная категория предложения ограничена типом восклицательных высказываний, начинающихся со слов *what* и *how*. Синтаксический порядок может быть нарушен таким образом, что *wh*-элемент (который может быть дополнением, наречием, подлежащим) может быть изъят из обычного положения и поставлен на первоначальное выдающееся место.

Wh-элемент как наречие:

How I used to hate geography!
What a long time we've been waiting!

В качестве предложного дополнения

What a mess we are in!
Мы можем усилить эмотивный смысл, добавляя *ever*, *on earth*, etc.
Why on earth didn't you tell me?
What in heaven's name does he think he's doing?

Формы повелительного наклонения весьма ограничены. При выражении команд *do* в сочетании с императивом усиливает побуждение и вносит в высказывание оттенок призыва, убеждения и даже угрозы.

Do в повелительном наклонении

Do be seated!
Do be quiet!

Междометия

Hey (эй!) (невежливое обращение)
Ugh, what a mess! Ugh – тьфу! (отвращение)

Усилительные слова utterly, violently.

They utterly detested him.
He violently smashed the bottle

Поскольку у англичан не принято выражать сильные чувства, а скорее наоборот, принято их подавлять, мы смеем предположить, что для осуществления данной задачи собеседники прибегают к эвфемистическим средствам выражения речи.

Разные культуры по-разному относятся к различным эмоциям, что подчеркивает важность того, как правильно интерпретировать и давать верное толкование проявлению эмоций у собеседника. Это касается как вербального, так и невербального общения, между которыми существует определенная взаимосвязь. Людьюми движут только конкретные эмоции, а конкретные эмоциональные переживания возникают в конкрет-

ных отношениях, поэтому эмоции надо рассматривать в контексте конкретных социальных отношений. Эмоции всегда существуют в единстве и взаимопереплетении, и из этого клубка их выделяет только язык.

Л и т е р а т у р а

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1996.
2. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М., 1956.
3. *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.
4. *Гвишиани Н.Б.* Современный английский язык. Лексикология. М., 2000.
5. *Комова Т.А.* Концепты языка в контексте истории и культуры. М., 2005.
6. *Комова Т.А.* Лексическая и грамматическая морфология// Методы лингвистических исследований. М., 1988.
7. *Филиппова М.М.* Английский национальный характер. М., 2006.
8. *Павловская А.В.* Англия и англичане. М., 2004.
9. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. М., 2009.
10. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
11. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
12. *Арутюнова Н.Д.* Национальное сознание, язык, стиль. М., 1995.
13. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2008.
14. *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1988.
15. *Мягкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова. К., 1990.
16. *Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры лексического значения слова. В., 1979.
17. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. В., 1984.
18. *Карасик В.И., Стернин И.А.* Антология концептов. М., 2007.
19. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2007.
20. *Изард К.* Эмоции человека. М., 1980.
21. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
22. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
23. *Гуревич А.Я.* Культура средневековой Европы – «Письмена времени». М., 2007
24. *Степин В.С.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.
25. *Стюарт Я., Джойнс В.* Современный транзактный анализ. СПб., 1996.
26. *Шустов Д.И.* Руководство по клиническому транзактному анализу. М., 2009.
27. *English Fanita.* Rackets and Racketeering as the Root of Games. N-Y., 1997
28. *Plutchik Robert.* The Psychology and Biology of Emotion. H-C., 1994.

ЛИНГВИСТИКА

Некоторые особенности естественно-научного и гуманитарно-научного дискурса

© доктор филологических наук А.И. Изотов, 2009

*Посвящается замечательным педагогам
Сергею Владимировичу Кирбятьеву (физика) и
Юрию Николаевичу Минакину (история),
благодаря которым автор настоящих строк
с одинаковым удовольствием читает и
Стивена Фрая, и Стивена Хокинга¹*

Данный текст обязан своим существованием дискуссии, произошедшей у автора настоящих строк с его бывшим школьным учителем физики Сергеем Владимировичем Кирбятьевым в мае этого года на четвертом этаже дома на начинающейся у Эрмитажа Миллионной улице, куда С.В. переехал лет десять назад из Оренбурга, который некогда претендовал на роль третьей столицы Российской империи², а сейчас известен большинству россиян разве что по «Капитанской дочке» А.С. Пушкина. Во время данной дискуссии автор настоящих строк время от времени бывал квалифицируемым как «гуманитарий», что не то чтобы его очень задевало (в конце концов, по паспорту, то есть по ВАКовскому диплому, он гуманитарий и есть), но провоцировало некое подспудное желание возразить. Дело в том, что до поступления на филологический факультет МГУ автор заметки искренне интересовался естественными науками (как теоретически, так и в прикладном плане), результатом чего стали не только испорченная мебель в его детской комнате (следствие неудачной попытки перегонки концентрированной серной кислоты и натриевой селитры для получения концентрированной же азотной кислоты, необходимой для синтеза пироксилина, нитроглице-

---

¹ Каламбур родился, когда автор заметки осознал, что самыми дорогими книгами, купленными им в последнее время для собственного удовольствия, были «Мир в ореховой скорлупке» С. Хокинга (нельзя было устоять против популярного изложения теории суперструн и концепции мира на бране) и «Стивен Фрай в Америке» (тут уж речь шла об искушении иметь дома краткое описание всех североамериканских Соединенных Штатов, включая Вирджинию, Кентукки, Пенсильванию и Массачусетс, которые формально именуются не «штатами» [state], а «содружествами» [commonwealth]).

² В XIX веке оренбургскому генерал-губернатору были подчинены Урал, Поволжье, Казахстан, а также все присоединенные к империи территории в Средней Азии.

рина и прочих не менее заманчивых для подростка вещей), но и второе место на областной олимпиаде по физике в 1982 году, за что ему был вручен соответствующий диплом и ценный подарок – чернильная авторучка с позолоченным пером и роман Ф.М. Достоевского о князе Мышкине (не исключено, что специфическое чувство юмора организаторов олимпиады также сыграло свою роль в выборе будущей профессии). Желание подытожить дискуссию в свою пользу и породило следующие строки.

По свидетельству ученика А.Н. Колмогорова чл.-корр. РАН А.Н. Ширяева (круглый стол на филологическом факультете МГУ весной 2009 года, посвященный филологическим интересам А.Н. Колмогорова), академик как-то мимоходом заметил, что математик имеет дело с **доказательствами**, а у историка доказательств нет и быть не может, а могут быть только **подтверждения** его гипотезы.

Мы полагаем, что в этих словах крупнейшего отечественного ученого двадцатого столетия отмечено принципиальное различие между естественно-научным и гуманитарно-научным дискурсом. Речь идет не о традиционном делении научных дисциплин на гуманитарные (имеющие дело с человеком), естественные (имеющие дело со всем остальным окружающим миром) и точные (имеющие дело исключительно с самими собой – математика), а об уникальности/неуникальности объекта исследования. На наш взгляд, лингвистический научный дискурс может быть и естественно-научным, и гуманитарно-научным, в зависимости от того, какой аспект языка изучается. Если нас интересуют **неуникальные** явления (представленные в одном или нескольких языках суффиксы, приставки, синтаксические конструкции и т.д.), речь должна идти о естественно-научном подходе, если же объект исследования **уникален** (история конкретного языка) – о гуманитарно-научном.

Физик имеет дело в основном с неуникальными, повторяемыми объектами исследования. Если у одних атомов урана 235 установлены некие физические свойства, отличающие их от атомов урана 238, то это отличие будет действовать **для всех существующих в природе** атомов урана 235 и атомов урана 238, потому что все атомы одного изотопа **идентичны**. Поэтому физику не нужно вновь и вновь измерять то, что уже было однажды надежно измерено, а математику – доказывать то, что уже было когда-то доказано (разве что на занятиях со студентами в дидактических целях). Ну а уж если кто засомневается, что железо плавится при более высокой температуре, чем стеарин, можно провести эксперимент со спичками, стеариновой свечкой и гвоздями.

Историк же занимается тем, что уже произошло и никогда больше не повторится («нельзя дважды войти в одну реку»). Мы не можем провести эксперимент и доказать истинность или ложность утверждения, что

татаро-монголы, дойдя в 1241 году до Моравии, прервали свое движение на Запад, потому что возглавлявшим поход чингизидам Бату и Гуюку в связи с неожиданной смертью преемника Чингизхана Угэдэя надо было торопиться в Карокорум на выборы нового кагана, а не потому, что монгольская конница была бессильна против неприступных замков Центральной Европы (как принято объяснять чешским школьникам) или потому, что монгольское войско было обескровлено героическим сопротивлением русских княжеств (чему учили в школе автора настоящих строк). В своей опубликованной уже посмертно книге *The Idea of History* (1946), русский перевод которой выходил в серии «Памятники исторической мысли», Робин Джордж Коллингвуд настаивал, что ученый должен подходить к историческим материалам так же, как хороший следователь подходит к свидетельским показаниям – слушает **всех**, однако безоговорочно не верит **никому** (кто-то может ввести в заблуждение по злему умыслу, кто-то по забывчивости, кто-то по незнанию).

Историк, как и следователь, может изменить свое прежнее мнение, однако только тогда, когда свидетельства в пользу новой версии **перевешивают** свидетельства в пользу версии предыдущей. Для того, чтобы авторитетно утверждать, что царь Иоанн Васильевич Грозный был гуманист, за полвека формального правления которого (1533-1584) было казнено всего около трех тысяч человек (для средних веков число весьма умеренное, учитывая, например, что в либеральной Англии лишь в 1823 году была отменена смертная казнь за более чем сто видов нетяжких преступлений типа карманного воровства, см. [The Usborne History of Britain 2008: 243, 289]), явно недостаточно чьего-то сообщения о том, что в те времена на Руси казнить имел право только царь, причем всех казненных царь вносил в поминальный список; нужны еще убедительные свидетельства в пользу того, что число казненных и убитых «незаконно» в разы (в десятки раз, в сотни раз...) не превышало число казненных «законно» (т.е. с занесением в этот самый список).

Физик оперирует доказанными фактами, а историк – данными, истинность/ложность которых установлена с большей/меньшей степенью вероятности, поэтому физику нет нужды по ходу изложения ссылаться на источники этих доказанных фактов (эти факты есть в любом справочнике), а вот историку надо ссылаться на **все** свидетельства, на основании которых он сделал тот или иной (а тем более отличный от традиционного) вывод, чтобы любой его коллега имел возможность самостоятельно оценить корректность сделанного вывода, а в случае необходимости продолжить исследования, добавив к привлеченным свидетельствам собственные. Это важно и потому, что серьезный исследователь учитывает не только **количество** свидетельств в пользу той или иной версии, но и их **качество** (информация, почерпнутая из репутиро-

ванного научного журнала, «весит» больше, чем взятая из «народной» Википедии, и тем более больше, чем (полу)анонимная заметка в Сети, которая может быть и мистификацией профессионала, и «письмом к ученому соседу» пытливого и полного энтузиазма любителя.

Любая, пусть даже красивая теория (а тем более теория «гуманитарного» характера) не может быть просто изложенной, она должна **подтверждаться фактическим материалом**. Например, в самом начале в целом интересной монографии [Стефанский 2008: 4] вскользь упоминается, причем упоминается не в качестве гипотезы, а в качестве объективного знания, полученного когда-то в студенческой аудитории, что «чудо может совершить только чужой, то есть наделенный магической силой пришелец из мира мертвых» и что это понимание гораздо важнее объяснения, что «чудо и чужой – однокоренные слова, возникшие в результате действия определенных фонетических законов».

Но *чудо* и *чужой* **не** однокоренные слова! В слове *чудо* восстанавливается праславянский корень *keud-, а в слове *чужой* – корень *teudj-, так что эти слова **могут выглядеть** как однокоренные **только** в восточнославянских языках (во всех остальных диалектах праславянского языка, то есть в диалектах, легших в основу южнославянских и западнославянских языков «в результате действия определенных фонетических законов» рефлексy *kj < *k[eu] и *tj < t[eu] **не совпали**). *Чудеса* творит не *чужой*, а *кудесник*, у которого восстанавливается праславянский корень *koud-, так что мы имеем чередование *keud-/ *koud-, обусловленное еще праиндоевропейским чередованием *e–o*. Что же касается *чужого* (*teudj- > *tjudj-), то это вполне может быть заимствованием в праславянский язык самоназвания народа, с которым славяне с незапамятных времен контактировали и представителей которого считали, в отличие от себя, славян (**славяне** – обладающие даром **слова**), безъязыкими, **немыми**, ср. [theod]iscus (народная латынь VIII века в значении ‘относящийся к народу’) и средневерхненемецкое tiu[t]sch > совр. Deutsche). Во всяком случае, такое предположение (*чужой* – *немец*), в отличие от предыдущего (*чужой* – тот, кто творит *чудеса*), не противоречит закономерностям сравнительно-исторической фонетики славянских языков, а тем самым имеет больше прав на существование.

Возвращаясь к вопросу гуманитарной/естественно-научной ориентации автора настоящих строк, следует констатировать, что он всегда был скорее «естественником». Как уже отмечалось, гуманитарно-научный или естественно-научный тип лингвистического дискурса зависит от уникальности/неуникальности объекта исследования, а все когда-либо написанные автором настоящих строк квалификационные сочинения, начиная от первой курсовой работы и заканчивая обеими диссертациями (см. [Изотов 1991; 2007]), основывались на материале, поддающемся

статистической обработке. Показателен и случай, произошедший осенью 2008 года в Бакинском филиале МГУ во время встречи командированных туда для чтения лекций сотрудников филологического и механико-математического факультетов: когда возник вопрос, с какого факультета приехало людей больше, автор настоящих строк был подсчитан профессорами мехмата М.В. Зайцевым и К.А. Мирзоевым **в качестве представителя мехмата**³ (о чем он триумфально и провозгласил, выждав необходимую паузу).

А вот чисто гуманитарные дисциплины автору настоящих строк долгое время не давались. На первом курсе он получил с первого захода не только «неуд.» по «Введению в литературоведение» у суровой Е.Г. Рудневой, но и «незачет» по истории болгарской литературы у добрейшей З.И. Карцевой, и даже академик Н.И. Толстой с его двубальной системой оценок (если студент не знает ничего, то получает «четыре»), заметно колебался, подписывая «зачтено» по «Введению в славянскую филологию». Понадобилось двадцать лет (1988-2007) проверки вступительных сочинений на различных факультетах МГУ, а в промежутках – преподавания литературы на всевозможных подготовительных курсах, чтобы осознать необходимость для ответа даже на очень простые вопросы гуманитарного характера учета огромного количества данных (не **фактов**, как в случае с естественно-научными феноменами, а именно **данных** – часто недоказуемых и почти всегда противоречивых). Зато теперь автор настоящих строк знает, что простые ответы на вопросы типа «Глуп или умен Чацкий» бывают только в пособиях для школьников, на самом же деле и в литературе, и в жизни даже очень умный человек может сделать чудовищную глупость, продолжая при этом оставаться очень умным человеком, а почти святой – совершить то, что со стороны может быть воспринято как святотатство, не превращаясь автоматически в подлеца и негодяя.

Что же касается научной доказуемости/обоснованности делаемых выводов (как итоговых, так и промежуточных), то это необходимое качество и естественно-**научного**, и гуманитарно-**научного** дискурсов, поэтому автор настоящих строк вполне солидарен с С.В. по поводу необходимости вступительного экзамена по математике **для всех** вузовских специальностей, включая филологические. Сочинение + письменная математика + предмет, связанный с будущей специальностью – это безусловно лучше, чем обрушившийся на страну ЕГЭ.

---

³ Дело было не в гендерной характеристике (хотя среди делегатов филфака закономерно преобладали представительницы прекрасного пола, обе делегации были гендерно гетерогенными) и не в том, что автора настоящих строк приняли за незнакомого коллегу из Богом забытой лаборатории – в первый же день приезда все перезнакомились и с тех пор ежедневно общались в ожидании ведомственного автобуса, отвозившего из гостиницы в университет и обратно.

Л и т е р а т у р а

- Изотов А.И.* Система полных причастных форм в современном чешском литературном языке в сопоставлении с русским (формообразование, семантика, функционирование): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1991.
- Изотов А.И.* Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2007.
- Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 486 с.
- Стефанский Е.Е.* Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах). – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2008. – 316 с.
- Хокинг С.* Мир в ореховой скорлупке. – СПб.: Амфора, 2007. – 208 с.
- The Usborne History of Britain / R. Brocklehurst et al.* – London: Usborne Publishing House, 2008. – 512 p.
- Stephen Fry in America.* – London: Harper Collins Publishers, 2008. – 314 p.

ЛИНГВОСТИЛИСТИКА

Эмфатизация высказывания как стилистический приём в романе А.°Конан Дойля «Затерянный мир»

© кандидат филологических наук А.А. Изотова, 2009

Роман А.°Конан Дойля «Затерянный мир»¹ изобилует употреблением различных средств эмфатизации высказывания – как грамматических и лексических, так и культурно-исторических.

Целью настоящей статьи является рассмотрение этих средств как авторских приёмов и их систематизация.

Прежде всего автор нередко употребляет широко известные эмфатические конструкции, например образованные с помощью глагола «to do» (e.g. I do believe; I do like roses; Do tell me what happened.):

"No, it isn't that," she said at last. "You're not a conceited boy by nature, and so I can safely tell you it is not that. It's deeper."

"My character?"

She nodded severely.

"What can I do to mend it? Do sit down and talk it over. No, really, I won't if you'll only sit down!"

"What a prosaic motive! It seems to take all the romance out of it. But, still, whatever your motive, I am glad that you went down that mine." She gave me her hand; but with such sweetness and dignity that I could only stoop and kiss it. "I dare say I am merely a foolish woman with a young girl's fancies. And yet it is so real with me, so entirely part of my very self, that I cannot help acting upon it. If I marry, I do want to marry a famous man!"

"What!" roared McArdle. "You don't mean to say you really believe this stuff of his about mammoths and mastodons and great sea sairpents?"

"Well, I don't know about that. I don't think he makes any claims of that kind. But I do believe he has got something new."

Следующие примеры демонстрируют использование эмфатической конструкции It is (was)...that (who) – как раз, только, только тогда (e.g. you say Jim is in London now. It was only yesterday that I ran into him in the street; It was they who told us the news; It is he who is responsible for this work):

---

¹ *Conan Doyle A. The Lost World.* – Saint-Petersburg: Chimera Classics, 2001

"Why should you not?" I cried. "It is women like you who brace men up. Give me a chance, and see if I will take it! Besides, as you say, men ought to MAKE their own chances, and not wait until they are given. Look at Clive – just a clerk, and he conquered India! By George! I'll do something in the world yet!"

His appearance made me gasp. I was prepared for something strange, but not for so overpowering a personality as this. It was his size which took one's breath away – his size and his imposing presence. His head was enormous, the largest I have ever seen upon a human being. I am sure that his top-hat, had I ever ventured to don it, would have slipped over me entirely and rested on my shoulders.

"Don't be such a fool, Professor!" I cried. "What can you hope for? I'm fifteen stone, as hard as nails, and play center three-quarter every Saturday for the London Irish. I'm not the man—"

It was at that moment that he rushed me. It was lucky that I had opened the door, or we should have gone through it. We did a Catharine-wheel together down the passage.

Следующей достаточно широко используемой эмфатической конструкцией является инверсия – обратный порядок слов (Never had he eaten such a huge meal; Nowhere will you come across a more hospitable nation; Not only did she write short stories, but she was also a painter of talent):

"I am much indebted to you for your gracious permission," said the angry Professor; for never was a man so intolerant of every form of authority. "Since you are good enough to allow it, I shall most certainly take it upon myself to act as pioneer upon this occasion."

Lord John held up his hand as a signal for us to stop, and he made his way swiftly, stooping and running, to the line of rocks. We saw him peep over them and give a gesture of amazement. Then he stood staring as if forgetting us, so utterly entranced was he by what he saw.

I could have torn my hair and beaten my head in my despair. Only now did I realize how I had learned to lean upon my companions, upon the serene self-confidence of Challenger, and upon the masterful, humorous coolness of Lord John Roxton. Without them I was like a child in the dark, helpless and powerless. I did not know which way to turn or what I should do first.

Наконец, следует упомянуть использование автором эмфатической конструкции, образующейся с помощью прилагательного «very» (e.g. at that very moment she entered the room; she died at the very height of her fame):

For a moment I wondered where I could have seen that ungainly shape, that arched back with triangular fringes along it, that strange bird-like head held close to the ground. Then it came back, to me. It was the stegosaurus – the very creature which Maple White had preserved in his sketch-book, and which had been the first object which arrested the attention of Challenger! There he was – perhaps the very specimen which the American artist had encountered.

Отдельным стилистическим приёмом эмфатизации высказывания у А. Конан Дойля является эмфатическое использование степеней сравнения прилагательных. Например:

"He is not a popular person, the genial Challenger," said he. "A lot of people have accounts to settle with him. I should say he is about the best-hated man in London. If the medical students turn out there will be no end of a rag. I don't want to get into a bear-garden."

It was very clear to me that if dangers lay before us I could not in all England have found a cooler head or a braver spirit with which to share them.

Очень интересным представляется анализ стилистического функционирования идиом в романе, особенно случаев их обыгрывания. Обратимся к примерам:

"He has marked your poor face! Oh, George, what a brute you are! Nothing but scandals from one end of the week to the other. Everyone hating and making fun of you. You've finished my patience. This ends it."

"Dirty linen," he rumbled.

"It's not a secret," she cried. "Do you suppose that the whole street – the whole of London, for that matter – Get away, Austin, we don't want you here. Do you suppose they don't all talk about you? Where is your dignity? You, a man who should have been Regius Professor at a great University with a thousand students all revering you? Where is your dignity, George?"

В данном примере автор использует идиоматическое сочетание 'dirty linen' – часть идиомы «wash one's dirty linen in public» – 'выносить сор из избы'². В лингвистике этот приём носит название эллипсиса или усечения. Употребление идиомы встречается в речи профессора Челленджера – одного из центральных персонажей романа, известного своей грубостью и безапелляционностью. Приведённый диалог описывает ссору профессора с его женой, осуждающей его за недостойное грубое поведение с посетителями их дома. Стилистический эффект усиливается противопоставлением использования фразы «dirty linen» в

---

² Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – Москва, 1967.

реплике Челленджера, показывающей, что он смущён, и ответа его жены «It's not a secret» (это не секрет), раскрывающей значение идиомы.

He looked at me with doubt in his insolent eyes.

"After all, what do I know about your honor?" said he.

"Upon my word, sir," I cried, angrily, "you take very great liberties! I have never been so insulted in my life."

He seemed more interested than annoyed at my outbreak.

Данный контекст представляет собой диалог между центральными персонажами упомянутым выше профессором Челленджером и Мелуном – молодым корреспондентом газеты. Последний, оскорблённый поведением и отношением к нему профессора, употребляет обыгранную идиому «you take very great liberties». Словарная форма этой идиоматической фразы – «take liberties» (with somebody) – ‘позволять себе вольности (с кем либо)’. Для создания стилистического эффекта используется приём вклинивания («very great liberties»), что может быть понято как «слишком большие вольности» и выражает эмоциональное состояние говорящего.

В следующем контексте для описания внешности великана Челленджера автором используется тот же приём вклинивания: He raised his great eyebrows in protest, обыгранной идиомы «raise the eyebrows» – ‘поднять брови (выражая удивление или пренебрежение)’:

Unhappily you have crushed this fine specimen at the moment of saturation."

"Filthy vermin!" I cried.

Professor Challenger raised his great eyebrows in protest, and placed a soothing paw upon my shoulder.

"You should cultivate the scientific eye and the detached scientific mind," said he.

Обратимся к другому примеру:

We had gathered in a little group at the bottom of the chasm, some forty feet beneath the mouth of the cave, when a huge rock rolled suddenly downwards – and shot past us with tremendous force. It was the narrowest escape for one or all of us. We could not ourselves see whence the rock had come, but our half-breed servants, who were still at the opening of the cave, said that it had flown past them; and must therefore have fallen from the summit.

В данном случае для более сильного воздействия на читателя используется преобразованная идиома «have a narrow escape» – ‘едва избежать опасности, быть на волосок от чего либо; еле ноги унести’. Ав-

тор использует превосходную степень прилагательного «ragrow», чтобы показать чудовищную опасность (обвал скалы), которой едва удалось избежать главным героям в экспедиции на острове.

Рассмотрим ещё один пример:

Lord John made a sign to him that he should wait for an answer and then he turned to us.

"Well, it's up to you to say what you will do," said he; "for my part I have a score to settle with these monkey-folk, and if it ends by wiping them off the face of the earth I don't see that the earth need fret about it. I'm goin' with our little red pals and I mean to see them through the scrap.

В данном контексте преобразуется идиома «wipe smb/sth off the face of the earth» – ‘стереть с лица земли’. Обыгрывание происходит в речь лорда Джона, бесстрашного и смелого человека. Речь идёт об истреблении племени человекообразных обезьян которые грозили серьёзной опасностью путешественникам и исследователям.

Компонент идиомы «the earth» вновь приобретает своё первоначальное значение во фразе «I don't see that the earth need fret about it» – ‘Я не думаю, что земля будет мучиться из за этого [из за уничтожения племени обезьян]’, что значительно эмфатизирует данное высказывание.

Ещё одним стилистическим приёмом усиления высказывания в описаниях служит применение аллюзий, которые являются частью культурного наследия образованных читателей.

Следующие примеры показывают нам употребление аллюзий в романе:

Waldron, though a hardened lecturer and a strong man, became rattled. He hesitated, stammered, repeated himself, got snarled in a long sentence, and finally turned furiously upon the cause of his troubles.

This is really intolerable!" he cried, glaring across the platform. "I must ask you, Professor Challenger, to cease these ignorant and unmannerly interruptions."

There was a hush over the hall, the students rigid with delight at seeing the high gods on Olympus quarrelling among themselves.

Creeping to his side, we looked over the rocks. The place into which we gazed was a pit, and may, in the early days, have been one of the smaller volcanic blowholes of the plateau. It was bowl-shaped and at the bottom, some hundreds of yards from where we lay, were pools of green-scummed, stagnant water, fringed with bulrushes. It was a weird place in itself, but its occupants made it seem like a scene from the Seven Circles of Dante. The place was a rookery of pterodactyls. There were hundreds of them congre-

gated within view. All the bottom area round the water-edge was alive with their young ones, and with hideous mothers brooding upon their leathery, yellowish eggs.

В первом отрывке описывается выступление профессора Челленджера перед большой аудиторией и его разногласия с оппонентами по поводу существования «затерянного мира». Для того, чтобы показать дистанцию между студентами и профессорами, последние сравниваются автором с самими богами Олимпа. А. Конан Дойль прибегает к использованию аллюзии «the high gods of Olympus», связанной с древнегреческой мифологией. Эта фраза безусловно является коннотативно окрашенной, но её значение приобретает ироничное звучание благодаря использованию глагола «quarrel» («ссориться»).

Во втором контексте описание страшного ужасающего места обитания птеродактилей на острове метафорически сравнивается автором с описанием семи кругов ада Данте: «...but its occupants made it seem like a scene from the Seven Circles of Dante». Эта аллюзия безусловно вызывает у читателя ассоциации с «Божественной Комедией».

Таким образом, использование эмфатических конструкций обыгрывание идиом и употребление аллюзий несомненно является средством эмоционального воздействия на читателя и эффективным стилистическим приёмом в романе.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Английский язык в обучении специалистов по связям с общественностью

© кандидат филологических наук М.М. Филиппова, 2009

Проблема, вынесенная в заголовок данной статьи, актуальна, так как подготовка специалистов по связям с общественностью началась в нашей стране сравнительно недавно. Любопытен тот факт, что в наше время отделения по связям с общественностью входят в состав факультетов самой разной направленности – журналистики, государственного управления, филологических, философских и т.д. Это свидетельствует либо о том, что специальность это новая и развивающаяся, и у ее представителей пока еще нет полностью сложившегося единого мнения о своем месте в системе общественных наук, либо о том, что на способность подготовить квалифицированных специалистов по связям с общественностью претендуют представители разных профессий. По-видимому, только будущее покажет, какова истинная «ниша» данной специальности среди других, вызванных к жизни бурными изменениями в общественно-политической жизни нашей страны и всего мирового сообщества.

Не секрет, что английский язык в наши дни – это не роскошь, а средство выживания в сложной экономической обстановке, во многих случаях средство доступа к высокооплачиваемой работе и продвижения по служебной лестнице, средство общения на международном уровне и добывания необходимой для жизни информации, в основном через Интернет (значительная часть сведений в котором подается по-английски), причем эта роль английского языка как средства международного общения в различных сферах продолжает усиливаться. Английский язык признан одним из языков ООН, на нем ведутся как многочисленные переговоры деловых партнеров из разных стран, так и политические переговоры. При устройстве на работу к специалистам различных профилей, как правило, предъявляется требование знания английского языка (на уровне повседневного бытового общения это звучит так: «Хочешь получить работу – должен владеть английским и компьютером»).

Значимо также то, что в переживаемую нами эпоху информационного общества, когда весь мир соединен в единое целое многочисленными компьютерными и информационными сетями, английский язык являет-

ся средством, позволяющим ощутить свою принадлежность к общемировому (студенческому, интеллектуальному, научному, культурному) сообществу и активно участвовать в его повседневной жизни, разделяя всеобщие увлечения, обмениваясь информацией, увлекаясь последними модными новинками – достаточно вспомнить Гарри Поттера и прочие книги и фильмы, популярные в масштабах всего мира. Нужно признать, что это большое подспорье в работе преподавателей: над созданием мотивации у некоторых (увы, не у всех) студентов им работать почти не приходится – достаточно лишь внимательно изучить их интересы и подобрать подходящие материалы.

В силу названных причин, владение английским языком можно рассматривать как неотъемлемую составную часть практически любого гуманитарного образования, включая и подготовку специалистов по связям с общественностью. А учитывая фактор глобализации и американизации, которые происходят прежде всего при опоре на этот язык в его глобальной роли, можно, по-видимому, даже сказать (хотя кому-то это может показаться экстремистским высказыванием), что знание английского языка следует считать неотъемлемым элементом минимального запаса грамотности, а овладение им следует рассматривать как своеобразный «ликбез» для любого человека, который хотел бы считать себя грамотным в современном смысле этого слова. Это отнюдь не подразумевает, что каждый гуманитарий должен блестяще владеть этим языком. Речь идет о гораздо более «скромных» навыках коммуникативной компетенции и владении языком для специальных целей, т.е. о своеобразном коммуникативном и профессиональном «минимуме».

Рассматривая данный вопрос, следует учитывать и эстетическую функцию английского языка, поскольку, разумеется, он продолжает оставаться средством приобщения к множеству культурных ценностей, являющихся достоянием всего человечества (Шекспир, Библия короля Якова и многие другие произведения). Принимая во внимание практические потребности студентов (которые обязательно учитываются как при составлении программы курса, так и при отборе материала), среди культурных сокровищ можно при желании найти массу произведений, увлекательных для них. Итак, какие же материалы наиболее уместны в преподавании английского языка будущим специалистам по связям с общественностью? Какие из них могут оказаться наиболее эффективными? Какие дадут самое лучшее представление о специальности? Какие вопросы освещать в первую очередь? Каким языковым навыкам следует обучать будущих советников по связям с общественностью? И каковы те базовые методологические принципы, которые соответствуют

современному положению дел и должны лежать в основе курса английского языка для будущих пиар-экспертов?

Когда мы говорим о преподавании английского, нужно учитывать, как сильно изменилась жизнь, выдвигающая новые требования к владению языком. Важно учесть общие изменения структуры, методологии и технологий процесса обучения и его стратегическую ориентацию. Какие языковые навыки нужны молодому человеку, у которого, грубо говоря, есть возможность общаться со всем миром («весь мир – моя деревня»)? Для этого есть e-мэйл, всевозможные чаты, «аськи» (ICQ's), блоги и прочие новейшие Интернет-приспособления и устройства; не выходя из дома, наш современник может делать покупки через Интернет-магазины из Австралии, Калифорнии и откуда угодно еще; не отходя от компьютера, он получает доступ к массе материалов, которые могут оказаться прекрасными ресурсами для учебы: онлайн-словари помогут перевести любое слово, из онлайн-библиотек можно скачивать разнообразные книги, фильмы, музыку и т.п.

В условиях информационной насыщенности, если не сказать пресыщения, преподавателю очень важно не ошибиться с выбором материалов. Современная информационная перенасыщенность опасна еще и тем, что приводит к таким установкам некоторой части молодежи, которые метко передаются английской фразой *Too cool for school* – «слишком крутые, чтобы учиться». Это особенно относится к так называемым «платным», или «коммерческим» студентам. Какими материалами нужно пользоваться, чтобы молодым людям с такими настроениями было если не увлекательно, то хотя бы интересно? Как их следует обучать? Какие задачи ставить перед ними? Чего мы можем и должны от них требовать? Понятно, что для того, чтобы убедительно требовать от студентов освоения некоторых материалов, совершенствования определенных языковых навыков и умений, нужно иметь четкую концепцию, ясное представление о коммуникативных качествах, которые необходимо прививать будущему советнику по пиару, и о тех особенностях речевого поведения, которые у него необходимо выработать. Насколько реалистично говорить, что нам хотелось бы, чтобы в результате обучения получался специалист с привлекательным речевым (и неречевым) поведением, с высокой культурой порождения и восприятия речи и высоко развитым умением работать с различными типами информации в условиях устного и письменного общения?

Несмотря на то, что сфера образования – традиционно одна из самых консервативных в обществе, вследствие появления новых современных средств коммуникации заметно изменилась сама атмосфера работы в

классе. Мало кто из преподавателей может приковать внимание студентов изложением материала и виртуозной работой с ним настолько, чтобы никому из них не захотелось, скажем, воспользоваться мобильным телефоном. Мобильными телефонами пользуются все, просто в случае со строгим преподавателем их тактично прячут под парту. Кроме того, некоторые функции «мобильника» даже делают его необходимым во время занятия: он служит часами и показывает время; если это коммуникатор, в нем может содержаться словарь типа Lingvo; через него можно войти в Интернет и воспользоваться онлайн-словарями.... Как сказал один студент перед экзаменом по английскому языку: «Нужно денег на мобильник занести, а то они кончатся, и тогда я не смогу войти в интернет, чтобы посмотреть слова по Multi-tran'у; придется, как последнему лоху, смотреть их в бумажном словаре, вот ужас-то будет!»

Жизнь меняется стремительно и непредсказуемо, а вместе с ней меняются и представления о грамотности, об образовании, о целях образования, о знаниях и умениях (навыках), которые помогают выжить в современных условиях, и т.д. Все эти реалии – новые технологии, новые особенности общественно-политической и деловой жизни России – требуют пересмотра сложившихся традиционных методов преподавания языка. Все большее число людей признает, что главной целью системы образования в наши дни должно быть научить человека учиться, приобрести активную познавательную позицию. Каким образом нужно строить учебный процесс, чтобы достичь этой цели? (Провокационный вопрос: можно ли считать, что эта цель достигнута, если студент пропустил большую часть занятий в семестре, но явился на экзамен хорошо подготовленным и вполне успешно сдал его?)

В преподавании иностранных языков сегодня традиционные задачи – развитие навыков чтения, письма, речи и понимания на слух – также, как представляется, должны подвергнуться модификации, их следует видоизменять и уточнять. Скажем, навряд ли можно считать реалистичным ставить цель выработать безукоризненное владение английским языком, ведь в условиях многообразия англоязычных речевых сообществ сам идеал будет различным в зависимости от того, какого варианта придерживается то или иное сообщество. Следовательно, более ценным окажется навык осознанного отношения к разнообразным вариантам и разновидностям английского языка и умение хотя бы частично подстраиваться под ту языковую среду, в которой оказывается специалист.

Учитывая интенсивность коммуникаций и коммуникативных процессов в наше время, значительное место в учебном процессе должно

уделяться выработке необходимых навыков общения, способствующих коммуникативной успешности говорящего в разнообразном языковом окружении и в разных ситуациях. В плане речевых навыков и умений, это прежде всего должны быть навыки восприятия речи на слух, психологические и коммуникативные навыки, такие, как умение слушать и слышать своего собеседника; такие качества речи, как речевой такт, речевая контактность и коммуникабельность. Ценными являются умение оценивать эффективность своего речевого поведения с точки зрения коммуникативных задач общения и способность корректировать его для более успешного их достижения.

Весьма важным является (желательно виртуозное) владение всем спектром различных возможностей речевого этикета – т.е. знание о том, как тактично поблагодарить, извиниться, привлечь чье-то внимание, поприветствовать, выразить удивление, представить человека кому-либо, познакомить человека с кем-то, выразить несогласие, сомнение, недоверие, высказать поощрение, сочувствие, сожаление и т.д., и т.п. Сложность здесь заключается в том, что языковое выражение всех подобных ситуаций речевого этикета не является таким уж сложным, однако его клишированный и формулоподобный характер требует точного воспроизведения четко определенных фраз и выражений. Как помочь студентам освоить все богатство формул речевого этикета без зубрежки и скуки?

Для успешной коммуникации важным также является то, что в лингвистике называется аккомодацией, или конвергенцией – способность модифицировать свою речь с тем, чтобы она приблизилась по своим параметрам (грамматика, лексика, произношение, темп речи, длина высказывания и т.п.) к речи собеседника. Аккомодация помогает уменьшить различия между участниками речевого акта, что способствует получению ими одобрения своих слушателей, так как люди чаще всего реагируют более благожелательно на речь, похожую на их собственную. Таким образом, аккомодация облегчает взаимодействие между говорящим и слушающим. Говоря на родном языке, мы часто неосознанно «подхватываем» некоторые особенности речи своего собеседника; когда люди обучаются речи на иностранном языке, это следует делать вполне осознанно по указанным выше причинам. На уроке иностранного языка достижению этого может служить задание произнести речь в стиле определенного оратора или написать текст, похожий на тексты некоего автора.

Еще одно важное умение – это способность проявить гибкость и изобретательность в ситуациях коммуникативных сбоев. Следует отме-

титель, что моделирование ситуаций общения, в которых студентам пришлось бы проявить такие способности и умения, – это весьма непростая задача для преподавателя. Он должен проявить находчивость, придумывая сложные ситуации, из которых студенты должны будут найти приемлемый выход. Возможно, самым удачным решением будет придумывать эти ситуации вместе со студентами, а затем пытаться, опять же вместе, разрешать их положительным образом.

Студентам, специализирующимся на связях с общественностью, может пригодиться современная художественная литература на английском, посвященная теме пиара. Эта тема, в частности, много фигурирует в произведениях Кристофера Бакли, главного редактора журнала «Форбс» и (бывшего) спичрайтера Джорджа Буша-старшего в его бытность вице-президентом. Например, «Здесь курят» (Thank You For Smoking) – это сатирический роман с элементами триллера. Главный герой романа Ник Нейлор, представитель табачного лобби, умело и цинично сражается с противниками курения, доказывая полезность последнего, в которую не верит ни на грош.

Особую пикантность придает этому роману эпизодическое появление на его страницах известных всему миру людей (Маргарет Тэтчер и т.д.), лишь в редких случаях прикрытых прозрачными псевдонимами. У главного героя солидный пост – главный общественный представитель Академии табачных исследований (исследовательского заведения, финансируемого табачным лобби), если брать официальную формулировку. Если же сформулировать его функцию неофициально, то именно этот человек убеждает людей с экранов телевизоров в том, что курение чуть ли не полезно, а удовольствия, получаемые от процесса, безмерны. Ник Нейлор умеет выкручиваться из любой ситуации и находить правильный подход ко всем героям и знаменитостям, от высказываний которых так или иначе зависит будущее табачной индустрии. Это умный и хитрый человек, ведущий сложнейшие интриги, жертвующий все свое время на пользу дела и, как выясняется в ходе действия, реально рискующий жизнью ради того, чтобы люди больше курили, а табачные концерны получали все больше прибыли.

Такие произведения, как Thank You For Smoking, бесценны для наших целей, так как позволяют познакомиться с бизнес-средой, с особенностями корпоративной деловой жизни, с деятельностью бизнесменов и пиар-экспертов, которые описаны занимательно, в форме художественного, стилистически грамотного повествования, увлекательного и приятного для чтения. В них мы встречаем тысячи мелких, но значительных деталей, существенных для правильного понимания установок,

взглядов и поведения деловых людей – коренных носителей английского языка.

Роман сатирический, и в нем особенно остро высмеяны отрицательные стороны связей с общественностью, такие как необходимость лгать, изворачиваться, использовать подкуп, черное изображать белым и наоборот, и т.п. Читатели узнают о реальных рычагах индустрии и реальной работе пиар-специалиста, хоть и в сатирически заостренной форме художественного повествования. Ценность данного романа как учебного ресурса повышается благодаря тому, что по нему был снят одноименный фильм. Нет необходимости подробно расписывать важность визуальных материалов для работы с современной аудиторией. Мы живем в визуальную эпоху, когда зрительный ряд часто оказывается главным из компонентов сообщения, потому что он привлекает внимание людей в первую очередь. Покажите студентам (да и любой другой аудитории) видеоклип или фильм, и их внимание вам обеспечено.

Для преподавания языка выгодно то, что многие произведения английской классики насчитывают по нескольку экранизаций. Обеспечив группу DVD- и аудио- компакт-дисками, аудио- и видеокассетами с соответствующими записями, преподаватель с полным правом (и чувством умело выполненного профессионального долга) может затем требовать изучения оригинала, который дает почву для множества разных заданий и упражнений: читать, переводить, обсуждать, описывать героев, пересказывать сюжет, задавать вопросы по тексту и т.п. Такой сдвиг акцентов на самостоятельное усвоение материала (различных экранизаций одного и того же романа, исполнения его же разными чтецами), как это ни парадоксально, заставляет студентов более остро осознавать свою ответственность за результаты учебного процесса. Мы становимся свидетелями иллюстрации к классическому положению диалектики: свобода и ответственность взаимосвязаны, когда увеличивается степень свободы в выборе и интерпретации материала, тогда усиливается и чувство ответственности. Такого рода задания помогают студентам научиться работать с разными версиями произведения самостоятельно.

Еще одно важное направление работы с будущими пиар-экспертами – это обогащение знаний студентов о механизмах речевого воздействия людей друг на друга (включая и те, которые используются в современном мире с целью манипулирования сознанием человека и способах противостояния этому). Мало кто усомнится в том, что пиар-специалисты должны обладать хорошими риторическими навыками. Поэтому студенты должны иметь возможность развивать свои навыки публичной речи, выступая перед аудиторией своих товарищей с сооб-

щениями, докладами, рецензиями и т.п. Для такой работы пригодятся самые различные материалы: начиная от теоретических статей лингвистов и психологов до волшебных сказок. К каждому конкретному занятию можно формулировать студентам задание оказать определенное воздействие на свою аудиторию: рассказать нечто смешное, чтобы слушатели развеселились, или грустное, чтобы все загрустили, или патетическое, чтобы все испытали вдохновение, и т.д. Это заставит студентов оттачивать свои исполнительские и риторические навыки, которые несомненно пригодятся им в их будущей работе.

Ценнейший ресурс, который предоставляет в этом плане Интернет – это речи различных политиков, общественных деятелей и прочих знаменитостей. Каждый студент может выбрать как определенную общественную персону, так и некоторые речи, посвященные интересующим его темам. Занятия, посвященные произнесению речей известных политиков, оказываются необыкновенно увлекательными: учащиеся получают возможность произнести эти речи, перевести их, проанализировать риторические и стилистические приемы, которые употребляет оратор.

Студентам можно предложить изучение самых знаменитых речей в истории, например. Многие речи, которые имели огромный общественный резонанс в свое время, существуют в актерском исполнении, и эти записи доступны публике. Это речи Сократа, Демосфена, Цицерона (разумеется, в переводе на английский язык); речи Вильгельма Завоевателя, Мартина Лютера, Томаса Мора, королевы Елизаветы I, короля Карла I, Оливера Кромвеля, Эдмунда Берка, лорда Маколея, Авраама Линкольна и прочих знаменитых исторических личностей.

Приводим список некоторых широко доступных исторических речей, которые можно предложить для исполнения и анализа студентам, изучающим связи с общественностью:

- Мартин Лютер Кинг. I Have a Dream
- Уинстон Черчилль. Blood, Sweat and Tears. 13 мая 1940
- Уинстон Черчилль. The Iron Curtain speech. 1946
- Джон Кеннеди. Inaugural Address. 20 января 1961
- Джон Кеннеди. The Civil Rights Address. 11 июня 1963
- Сьюзен Б. Энтони. On Women's Right to Vote, 1872
- Франклин Делано Рузвельт. The Pearl Harbor Address to the Nation. 8 декабря 1941
- Хиллари Клинтон. Women's Rights Are Human Rights. 5 сентября 1995

- Надгробная речь на похоронах принцессы Дианы (произнесенная ее братом Чарльзом) 6 сентября 1997
- Мэри Фишер. *A Whisper of Aids*. 1992
- Барак Обама. *Inaugural Address*

Подобные задания помогают студентам освоить навыки самостоятельного поиска информации, учат их критически подходить к выбору текста, который будет интересен их слушателям. Каждый студент находит нечто, представляющееся именно ему наиболее интересным. Иногда это бывают очень смешные пародии на речи политиков, иногда реальные речи, кажущиеся аудитории сенсационными и экзотическими, так как мы не знаем им аналогов в российской политической жизни. С большим вниманием, например, студенты изучали речь президента Клинтона под названием *I have sinned* («Я согрешил»), произнесенную им 11 сентября 1998 года перед аудиторией более, чем из ста священников, на завтраке с вознесением молитв для священнослужителей, традиционно происходящем ежегодно в Белом доме. Интересно, что некоторые студенты очень любят выбирать речи президента России Дмитрия Медведева – по-видимому, они чувствуют близость и симпатию к этому политическому лидеру и находят чему поучиться у него.

Будущий пиар-эксперт должен быть знаком с моделями поведения, которые демонстрируют представители разных культур, стереотипами, существующими в этой области, межкультурными различиями, проявляющимися в речевом поведении представителей англоязычных культур. Одним из существенных параметров успешного межкультурного общения (которое имеет место при употреблении английского языка очень часто) становится знание культурно-специфических особенностей поведения в офисе, при общении с коллегами и начальством. К одной из таких особенностей относится, в частности, запрет на употребление табуированных слов и выражений. У американцев, например, табуируется имя бога как не подлежащее произнесению во избежание святотатства; отсюда часто употребительны фразы типа *'Oh, my Goodness'*, *'Gosh!'*, *'for Heaven's sake!'* и др. Не положено также упоминать ад и дьявола; отсюда выражения типа *'heck'*, *'damn'* и др.

Важно отметить, что в английском языке существуют огромные резервы синонимических средств, которые позволяют эвфемистически высказываться на различные темы, считающиеся в обществе щекотливыми или деликатными. Именно поэтому студентам будет полезно изучение словарей эвфемизмов, в которых показано, какие существуют мягкие, нейтральные и безобидные выражения, касающиеся многих

неприятных сторон бизнеса в таких сферах, как, например, предоставление работы и наем сотрудников, маркетинг, отговорки и оправдания по поводу невыполненного заказа или несделанной работы, увольнение работников, безработица, банкротство, денежные вопросы и др. Именно умение подобрать смягченные корректные выражения, не шокирующие слушателей, располагает слушателей в пользу оратора. Широко распространена практика, когда активное употребление эвфемизмов служит целям создания положительно окрашенного образа компании, ее деятельности, вуалирования ее сомнительных операций, преувеличенного подчеркивания процветания компании и т.п. Будущий специалист по связям с общественностью должен осознавать наличие такого важного языкового и речевого ресурса и уметь им пользоваться.

Для развития речевых навыков и умений в группах отделения по связям с общественностью желательно проводить обсуждения, диспуты, дискуссии на темы, связанные с работой пиар-экспертов. В частности, могут оказаться полезными следующие темы:

- Общение. Различные коммуникативные стили. Кого можно считать хорошим коммуникатором? Какие коммуникативные навыки жизненно необходимы специалисту по связям с общественностью?
- Презентации. Различные стили публичного выступления. Основы успешного публичного выступления.
- Зависимость пиара от средств массовой информации. Зависимость СМИ от связей с общественностью. Эффективность связей со СМИ. Встречи с представителями прессы. Способы добиться публикации материалов, подготовленных пиар-экспертом.
- Использование Интернета в связях с общественностью. Как оказывать влияние на СМИ, правительство, инвестиционное сообщество и на общество в целом.
- Онлайн-ресурсы. Инструменты пиара в Интернете.
- Создание материалов для Интернета. Особенности написания текстов, воспринимаемых с экрана компьютера.
- Кризисный менеджмент. Стратегия и тактика связей со СМИ во время кризиса.
- Маркетинг и пиар. Презентация продукта.
- Карьера пиар-эксперта. Собеседование при приеме на работу. Написание резюме.
- Пиар и реклама. Преимущества и недостатки рекламы. Типы пиар-рекламы. Основные принципы текстовой рекламы.

- Достижение успеха с помощью пиара и рекламы.
- Пиар внутри компании. Общение с боссом, представителями администрации, с подчиненными.

А напоследок – байка из жизни студентов, изучающих связи с общественностью, и их преподавателей. Один из праздников, во время которых вся страна обычно отдыхает, пришелся как-то на воскресенье. Последовало постановление, согласно которому всем работающим на госпредприятиях было разрешено отметить этот праздник в понедельник, на который он был перенесен. В университете, где, в отличие от госпредприятий, суббота является рабочим днем, праздник был перенесен на субботу (и, соответственно, занятия в субботу были отменены), а понедельник так и остался рабочим днем.

(Довольно поздно) вечером в воскресенье преподавательнице английского языка позвонила староста одной из групп и сказала: «Мария Ивановна, вы знаете, все преподаватели, у которых с нами завтра занятия, отменили их. Кроме Вас. Получается, у нас занятие только с Вами. Нам завтра приходиться?» Осознав, в каком невыигрышном положении она оказывается – вся страна отдыхает, все преподаватели, кроме нее, отнеслись к студентам либерально, дав им возможность отдохнуть – Мария Ивановна сказала: «Ну, хорошо, давайте отменим занятие». На том и порешили, а много позже Мария Ивановна узнала, что точно такой же звонок был сделан каждому из преподавателей, у которых были занятия в понедельник с этой группой.

Наверное, эту ситуацию можно квалифицировать как успешное применение принципов изучаемой дисциплины на практике. И, возможно, как демонстрацию новых принципов бизнес-этики («бизнес есть бизнес»). И поговорка «ученого учить – только портить», может быть, как раз про эту старосту, так умело обведшую вокруг пальца всех преподавателей?

Если же возвратиться к обсуждаемой теме, то становится понятно, что нерешенных вопросов, связанных с ней, множество. Как, например, вопросов нравственного характера, возникающих в связи с историями типа вышеприведенной. Это должно стать темой дальнейших публикаций.

Л и т е р а т у р а

1. *Брайант Дж., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ. М.; СПб.; Киев, 2004.
2. *Бредемайер К.* Черная риторика. Власть и магия слова. М., 2004.

3. *Василенко А.Б.* Пиар крупных российских корпораций. М., 2001.
4. *Данилина В.В., Луканина М.В., Минаева Л.В., Салиева Л.К.* Связи с общественностью. Составление документов: Теория и практика. М., 2006.
5. *Дилтс Р.* Изменение убеждений с помощью НЛП. М., 2000.
6. *Клоков И.* Черный PR. Запрещенные приемы нападения и защиты. СПб.: Питер, 2007.
7. *Ковшиова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М., 2007.
8. *Котлячков А., Горин С.* Оружие – слово. Оборона и нападение с помощью... (Практическое руководство). М., 2001.
9. *Кочеткова А.В., Филиппов В.Н., Скворцов Я.Л., Тарасов А.С.* Теория и практика связей с общественностью. СПб, 2006.
10. *Кузин Ф.А.* Современный имидж делового человека, бизнесмена, политика. М., 2002.
11. *Кузнецов В.Ф.* Связи с общественностью: теория и технологии. М., 2005.
12. *Левинсон Д.К., Фришман Р., Люблин Д.* Партизанское паблисити. Сотни беспрорышных тактик. М., 2004.
13. *Марков С.* PR в России больше, чем PR. Технологии, версии, слухи. СПб, 2005.
14. *Мединский В.Р.* Негодяи и гении PR от Рюрика до Ивана Грозного. М., СПб, 2008.
15. *Мерманн Э.* Коммуникация и коммуникабельность. Практические рекомендации для открытой коммуникации. Харьков, 2007.
16. *Москвин В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М., 2007.
17. *Паттерсон К., Гренни Дж., Мак-Миллан Р., Свитцлер Э.* Переговоры в экстремальных ситуациях. Что и как говорить, когда ставки высоки. М., СПб; Киев, 2008.
18. *Пономаренко В.В.* Управление конфликтами. М., 2008.
19. *Санаев А.* Русский пиар в бизнесе и политике. М., 2005.
20. *Сеничкина Е.П.* Эвфемизмы русского языка. М., 2006.
21. *Серов А.Г.* Интервью с PR-советником. М., 2006.
22. *Ayto J.* Euphemisms. Over 3,000 ways to avoid being rude or giving offence. L., 1993.
23. *Bolinger D.* Truth is a Linguistic Question.
24. *Bolinger D.* Language – the Loaded Weapon. London, N.Y., 1984.
25. *Girard J.* How To Sell Yourself. N.Y., 2003.
26. *Griffin J.* How to Say It at Work. Putting Yourself Across with Power Words, Phrases, Body Language, and Communication Secrets. N.Y., 1998.
27. Harvard Business Review on Crisis Management. Boston, 2000.
28. *Holder R.W.* A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. Oxford; N.Y., 2003.
29. *Holtz S.* Public Relations on the Net. Winning Strategies to Inform and Influence the Media, the Investment Community, the Government, the Public, and More! N.Y., 1999.
30. *Lutz W.* The World of Doublespeak // The State of the Language. 1990s edition. Ed. by C. Ricks and L. Michaels. London, 1991. P. 254-264.
31. *Maggio R.* How to Say It. Choice Words, Phrases, Sentences, and Paragraphs for Every Situation. N.Y., 2001.
32. *Neaman J.S. and Silver C.G.* The Wordsworth Book of Euphemism. Ware, Hertfordshire, 1990.
33. *Reid D.* Public Eloquence // The State of the Language. 1990s edition / Ed. by C. Ricks and L. Michaels. London, 1991. P. 265 – 275.

Ф и л ь м ы

1. Thank You for Smoking.
2. Абсолютная власть. Светлые будни черного пиара.
3. Рекламисты.

Х удожественная литература и публицистика

1. *Buckley C.* Thank You for Smoking.
2. *Buckley C.* No Way to Treat a First Lady.
3. *Garner J. F.* Politically Correct Fairy Tales. The Ultimate Storybook. N.Y., 1998.
4. *Толстая Т.* Политическая корректность // Изюм. М., 2003.

О некоторых сложностях использования филологической лексики

© кандидат филологических наук А.А. Изотова, 2009

Целью данной статьи является практическое рассмотрение некоторых аспектов филологической лексики, которая представляет сложности для изучающих английский язык. Студенты-филологи нередко неправильно используют в своей речи следующие пары слов:

a scientist – a scholar

a scientist – ‘ученый, занимающийся проблемами естественных наук, например, физики, химии, биологии’;

a scholar – ‘ученый-гуманитарий, например, тот, кого профессионально интересуют вопросы филологии, истории, философии’;

literary – literal

literary – ‘литературный’, e.g. a literary style; literary prizes; a literary society;

literal – ‘буквальный, дословный, точный’, e.g. The literal meaning of *blue* is colour, but it can also mean ‘unhappy’; A literal translation is not always the closest to the original meaning;

medium (substantive) – medium (adjective)

medium (substantive) – ‘средство, способ’ (мн. число – media), e.g. He writes stories, but the theatre is his favourite medium; Television can be a medium for giving information and opinions, for amusing people and for teaching them;

medium (adjective) – ‘средний, промежуточный’, e.g. medium wave;

means – meaning

means – ‘средство, способ’, e.g. the quickest means of travel is by plane; Use whatever means you can to persuade him;

meaning – ‘значение’, e.g. One word can have several meanings;

historic – historical

historic – ‘имеющий историческое значение’, e.g. a historic battle; a historic meeting between two great leaders; historic buildings;

historical – ‘исторически установленный; относящийся к истории; связанный с историей’, e.g. historical research; a historical society; a historical play/novel; a historical film/picture;

economic – economical

economic – ‘экономический, хозяйственный’, e.g. the country is in a bad economic state; the government’s economic policies;

economical – ‘экономный; бережливый; экономичеый’, e.g. It’s not a very economical method of heating; an economical little car that doesn’t use much fuel; If you’ve got a large family, it’s more economical to travel by car than by train.

datum – date

datum (мн. число **data**) – ‘данная величина; исходный факт; информация’, e.g. We can’t tell you the results of the survey until we have looked at all the data;

date – ‘дата; число’, e.g. The date on the coin is 1921; “What’s the date today?” / “It’s the third of August.”

hard – hardly

hard (adv.) – ‘настойчиво; упорно; энергично’, e.g. I tried so hard to please her; You’ve been working much too hard; I thought long and hard about the problem;

hardly – ‘едва; едва ли’, e.g. I can hardly wait to hear the news; I could hardly speak for tears;

learned (participle) – learned (adjective)

learned (participle) – ‘изученный; выученный’

learned (adjective) – ‘учёный; эрудированный; научный’, e.g. We consulted the most learned professors; a publisher of learned works; my learned friend;

to invent – to discover

to invent – ‘изобрести’, e.g. Alexander Bell invented the telephone in 1876; Algebra was invented by the Arabs;

to discover – ‘открыть; обнаружить нечто, что уже существовало, но не было известно’, e.g. Columbus discovered America in 1492; Scientists have discovered a new virus;

to remember – to remind

to remember – ‘помнить; вспоминать’, e.g. I’ll always remember that wonderful day; She suddenly remembered that she had not locked the door; Can you remember where he lives?; Certainly I posted your letter – I remember posting it;

to remind – ‘напоминать’, e.g. I must write to mother – will you remind me?; I’ve forgotten his name – will you remind me of it?; Will you remind me about that appointment?

to achieve – to reach

to achieve – ‘добиваться; успешно выполнять’, e.g. He will never achieve anything if he doesn’t work harder; The company has achieved a 100% increase in profitability;

to reach – ‘достигать; добираться’, e.g. After several changes of plane, we finally reached London; The news only reached me yesterday.

Для закрепления студентами навыков употребления приведенных выше слов, целесообразным представляется выполнение упражнений на перевод типа следующих:

1. В этой области физики ученые достигли многого.
2. Целью ученого-филолога является рассмотрение особенностей стиля данного писателя.
3. Это литературное направление характерно для XIX века.
4. Ваш перевод слишком буквален, его нужно переделать.
5. Средства массовой информации используют много рекламных приемов.
6. Моя сестра среднего роста.
7. Английский язык стал средством международного общения в XX веке.
8. Для того, чтобы правильно перевести этот текст, необходимо проверить значение всех идиом по словарю.
9. Это красивое здание имеет историческое значение.
10. Вальтер Скотт считается основоположником исторического романа.
11. На совещании обсуждались экономические проблемы.
12. Тебе следует быть более экономным и не тратить так много денег.
13. Эта информация оказалась очень полезной и помогла нам в работе.
14. В анкетах всегда нужно указывать дату своего рождения.
15. Тебе нужно упорно заниматься, чтобы сдать экзамен.
16. Он пробежал всю дистанцию за 10 минут и едва мог дышать.
17. Это выученное правило нужно повторить.
18. Мой друг – очень эрудированный человек.
19. Этот ученый изобрел новый медицинский препарат.
20. Студенты обнаружили закономерности в использовании этого лексического приема.
21. Мне очень приятно, что ты всегда помнишь мой день рождения и поздравляешь меня с ним.
22. Пожалуйста, напомни мне о том, что нужно взять с собой ключи от дачи.

23. Она достигла своей цели и поступила в университет.
24. После долгой прогулки мы наконец добрались до леса.

Л и т е р а т у р а

Longman Dictionary of Contemporary English. М.: Русский язык, 1992.
Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. М.: Русский язык – Медиа, 2005.